

Иная кровь

Автор:

[Вера Петрук](#)

Иная кровь

Вера Александровна Петрук

Рудники Асырка – места суровые. Чужаков здесь «подравнивают», а за любопытство прижигают пятки. Страх – единственно верное чувство, за которое никто не осудит. Страшны коротконогие горцы, гомозули, стуканцы и крысы, но хуже всех – Хицида, о которой говорить не следует. Оказавшись в угольной шахте не по своей воле, Кай должен найти выход из подземелья раньше, чем его найдут враги.

Вера Петрук

Иная кровь

Часть 1. Пещеры горных людей

Пещеры горных людей из семьи Тиля Голубоглазого были такие же непроницаемо темные, как и кошмары Кая. За три месяца своей недолгой жизни он успел возненавидеть уголь до такой степени, что черные, поблескивающие жирным блеском куски мерещились ему даже во сне.

Просыпаясь от удушья, Кай долго кашлял, стараясь избавиться от угольной пыли, забившей горло, а заодно вытрясти с кашлем все то, что просачивалось в его голову вместе с антрацитовым крошевом. На пятнадцатый день – он вел счет

зарубками на ножке кровати – Кай научился безошибочно отличать кусок бурого угля от курного, знал, при каком давлении и на какой глубине образуются антрациты, и сколько шлака остается после сгорания графита. Он узнал, что угли бывают блестящими, матовыми и волокнистыми, а еще длиннопламенными, газовыми, жирными, тощими и спекающимися. Знал, что курный уголь на сколе бывает матовым и неровным, а антрацит – красивым и глянцевым, с металлическим блеском и своим, особым запахом, что бурый хорошо воспламеняется, но дает мало тепла, а залежи антрацита встречаются под пластами каменного угля на глубине не меньше десяти километров. Но главное, что Кай узнал об угле, было то, что этот черный бог, которому молились шахтеры, обладал способностью превращать в темноту не только все, до чего касался своими черно-серыми камнями, но и проникать внутрь вещей и даже людей.

Глядя на свои почерневшие руки, Кай был уверен, что, если их разрезать, из вен хлынет черная кровь. Уголь был везде – на грубом столе из древесины грязного цвета, на ломтях хлеба, неровными кусками разбросанного по блюду, на засаленных кружках с пивом и огромной, истекающей жиром и соком туше непонятого зверя, который отвратительно выглядел, оставшись без головы и кожи, но зато изумительно пах, источая вокруг себя запах жаркого и обещание быстрой сытости. А еще уголь плотным слоем висел в воздухе, наполняя тесную комнату черным туманом и покрывая собравшихся темными хлопьями, впрочем, невидимыми на их и без того грязных телах. В первые дни после пробуждения Кай мог вдыхать воздух только через тряпку, но постоянное прикосновение ткани к лицу мешало. Пришлось дышать углем.

Он сощурился и, подняв пустой бокал, поглядел через мутное доньшко на Тиля Голубоглазого. В тусклом свете ракушечника, слабо мерцающего на столе, лицо главного гнома приобрело странный зеленовато-желтый оттенок, сделав его похожим на гоблина или тролля. «Нет, они гномы», – решительно поправил себя Кай и перевел «телескоп» на соседней напротив, таких же разноцветных, как и хозяин: зеленых от света ракушечника, красных от стекла бокала, черных от витавшей повсюду угольной крошки. Пива ему не дали, но Кай чувствовал себя пьяным от одного тяжелого, пивного духа, разлитого в воздухе вперемешку с угольной пылью.

Сегодня был мясной день, и за столом собралась вся семья. Гномы мясо любили. Тридцать шесть мужчин, сидевших в ряд на лавке, не были похожи на родственников, но Кай уже понял, что под «семьей» горные люди

подразумевали что-то свое, «гномье». То ли у шахтеров были слишком сложные имена, то ли у Кая имелись проблемы с памятью, но он запомнил только их прозвища, да и то только у тех, кто как-то выделялся среди остальных. А прозвища у них были интересные: Кобальт, Никель, Азот, Свинец, Фосфор, Магний, Кальций. Еще были Тупэ и Клевер, но они к семье Тиля не относились, а являлись дальними родственниками из других кланов. Если имя Клевера еще можно было объяснить – на лбу гнома имелся шрам, похожий на трилистник, то про Тупэ ничего определенного сказать было нельзя. Гном отличался редкой сообразительностью.

А еще горные люди были обидчивы и не понимали юмора. Когда Кай пошутил над низким ростом Тиля и впервые назвал его «гномом», ведь тот едва доставал ему до груди, хозяин шахты молча вдавил кулак ему в живот, после чего Кай долго катался по каменному полу, глотая угольную крошку и стараясь не откусить себе язык от боли. А потом мысленно составил список сходств и отличий, который с тех пор грел ему сердце.

Как и мифические гномы, люди Тиля Голубоглазого были надменными, жестокими, ненормально сильными, не выносили яркого света и наверняка, обладали сокровищами, на которые указывали дорогие украшения в виде серег и колец с драгоценными камнями, имеющиеся у каждого. К отличиям относились отсутствие бород и худоба. Все мужчины были тощие, словно бродячие псы, питающиеся объедками. Однако их исхудалый вид был объясним – работа на шахте была нелегкой, а мясо подавали не каждый день. Как выглядели «гномихи», Кай так и не выяснил, потому что до сих пор ни одной из них не видел. И это терзало его любопытство сильнее желания подышать чем-нибудь еще кроме угольной крошки.

Встретив взгляд Тиля, Кай поспешно отпустил бокал, перестав паясничать. То, что Голубоглазый не любил шуток, было так же ясно, как и то, что ему, Каю, мыть сегодня за всеми посуду. Каю нравилось в Тиле все: волевой подбородок, крепкие руки, переплетенные тугими мышцами, торчащие вверх волосы, всегда чем-то обмазанные и тем похожие на растущие со дна пещеры сосульки, но лучше всего в гноме были глаза. Обычно Тиль был настолько испачкан сажей, что глаза были тем единственным, что выделялось на его черном лице. Они сверкали ярко и напоминали свет фонарей.

Вспомнив о фонарях, Кай мрачно уставился на брусок ракушечника в центре стола. Его тусклый свет неровно мерцал, отбрасывая на лица собравшихся

зеленые отблески и, конечно, не мог соперничать с ярким, всепроникающим светом фонаря, который в пещерах был редкостью. В последнее время единственный генератор рудника часто ломался, и Тиль ввел режим экономии, ограничив бытовое потребление электричества, так как производственный сектор, конечно, не должен был страдать. В результате в жилых комнатах отключили большую часть обогревательных панелей, зато выдали по дополнительному одеялу, которое не больно-то помогало справиться с пещерным холодом. Кай отчаянно мерз, вжимаясь в тонкий матрас, но часто не выдерживал и проводил остаток положенного для сна времени на кухне у вечно горячих плит. Еду теперь готовили на закрытых печах, которые топили углем, а все приемы пищи и редкие собрания проходили при свете брусков ракушечника.

Из путаных объяснений гномов Кай понял, что ракушечник собирали где-то наверху, в реках. Чтобы такая «лампа» светилась, ей нужно какое-то время полежать на солнце. Но то ли гномы слишком давно не заряжали солнцем свои «лампы», то ли ракушечник у них был неправильный, но светили бруски тускло, с трудом позволяя различать цвета. Куда лучше с рассеиванием темноты справлялись факелы и свечи, но гномы запрещали часто использовать открытый огонь, опасаясь прорыва газов из штолен и шахтных стволов, которые начинались сразу под жилыми комнатами.

От сумрака у Кая болели глаза и ныли зубы. Каменный пол жилых пещер и забойных зон, казавшийся при свете фонарей ровным и гладким, при «ракушечном» свете вдруг покрылся выбоинами, трещинами и ямами, которые не пропускали Кая мимо. Там, где гном проходил тихо и вкрадчиво, Кай обязательно спотыкался, падал и расшибал колени и локти. А после того как работу в двенадцатой штольне прекратили из-за гомозуля, который свил гнездо рядом с жилой, страшные подземные обитатели мерещились Каю в каждой тени.

О гомозулях ему рассказали в первый же день, когда читали инструкцию по безопасности, которую он про себя назвал «вводной по выживанию». Правила были простыми: не ходить в темноте, не ходить одному, не ходить далеко. Хождение вообще не приветствовалось. «Клеть тебя куда надо привезет, а бригадир куда надо поставит, – объяснил ему Тиль. – А почувешь запах грибов, так беги со всех ног к любому фонарю. От гомозуля только свет спасает. Шкура у него толстая, даже буром не пробить. Магний как-то попробовал, с тех пор вот без ног, на тележке катается». Из рассказов гномов Кай понял, что гомозули отдаленно напоминали крыс. Морды у них узкие, вытянутые, словно им киркой по носу долбанули, а зад огромный, тяжелый с подвижным шипастым хвостом и

ядовитым жалом. «В гомозуле страшны не клыки, – делился болтливый Магний. – Бойся когтей, особенно на ногах. Эта зверюга может шипы на полметра в себя втянуть, а когда надо, вонзит их тебе прямо в брюхо. Но хуже всего – шпоры. Они чуть выше ступней находятся. Вот, – Магний кивнул на свои культяпки, – их работа». По словам опытного Тиля, гомозули еще никогда не заходили в жилые пещеры, но Кай отчего-то был уверен, что если что-то может произойти в этой шахте первый раз, то это случится непременно с ним. Поэтому и просыпался по ночам, долго вглядываясь в темные провалы проходов, напоминающие разинутые пасти мертвецов.

Громко грянул дружный хохот, кто-то сытно рыгнул, вдали послышался рокот спускаемой из штольни воды, и Кай понял, что все это время, как замороженный тарасился на брусок ракушечника, тускнеющего с каждой минутой. Туша зверя на вертеле превратилась в скелет с обрывками плоти, а лица собравшихся расплылись в угольном сумраке. Никель, сидевший на дальнем конце стола, едва виднелся, и, если бы не его зычный голос, Кай принял бы гнома за гомозуля, привлеченного шумом.

– Да бросай ты этот уголь! – сказал гном, сидевший по правую руку Тиля. Кай не помнил его имя, но, кажется, тот был каким-то родственником Голубоглазого из соседних пещер. – Алмазы – вот, что всегда берут за любую цену. Давай к нам, толковых голов у нас, сам знаешь, не хватает. В прошлом квартале пять кимберлитовых трубок нашли. Пять! Порода крепкая, но пока буры работают, страху нет.

– Пустые, небось, трубки эти, – проворчал Тиль, подливая родственнику пива.

– Святой Варварой клянусь, не пустые! – вскричал гном, осеняя себя таинственным знаком. – Успели три вскрыть, и все – алмазонасные.

– Значит, оставшиеся две будут пустыми, – не унимался Голубоглазый. – А у первых троих, наверняка, только «горлышки» забиты.

– Золото надо добывать, – буркнул сидевший напротив Свинец. – Особенно если богатую жилу осваивать. У деда моего такой рудник был. Однажды там самородок нашли размером с телячью голову. Святая Варвара не даст соврать, чистую правду говорю.

Все неловко замолчали, но постепенно пиво вернуло привычное оживление.

Каю нравился Свинец. Его семья погибла от нашествия гомозулей на тот самый семейный рудник, о котором рассказывал единственно выживший. Твари не только поубивали всех рудокопов, но и своими передвижениями вызвали обвал крепей, завалив самую перспективную жилу Северных Гор. Свинец любил золото больше, чем сон или жратву, и охотно делился с Каем всем, что знал. По правде, ему было все равно с кем болтать, лишь бы слушали. «Не все желтое – золото, и не все золото – желтое», – говорил Свинец, показывая Каю кусочки металла. Скоро Кай не хуже Свинца научился различать виды золота по цвету. Если много палладия, золото называлось белым, если меди – красным или червонным, а если серебра – зеленым. Одну такую пластину, отливающую на просвет зеленоватым оттенком, гном подарил Каю – за внимание. «Золото – самый чудесный металл, который добывают на Калюсте, – пояснил Свинец. – Оно есть везде: на солнце, в воде и даже в воздухе – только очень мало, конечно. А еще из одного грамма золота можно раскатать лист размером метр на метр или вытянуть из него длинную-предлинную нить метров на сто». Кай поблагодарил за подарок, решив не откровенничать, что блестящий кусок черного антрацита ему нравился больше тускло мерцающего в темноте зеленоватого золота.

– Да какое там золото, – не сдавался родственник Тиля. – А вы знаете, что алмазы происходят от небесной росы? Правда, дед мой считал, что все алмазы – живые, и рождаются от алмазов-родителей.

– От какой-какой росы? – насмешливо переспросил Тиль. – С неба только одна роса падает. Это Дети Неба свое дерьмо нам на голову выливают.

О Детях Неба гномы говорить любили. Старатели, Корпус, пираты, псилантйцы – как только их не называли. Из рассказов горных людей Кай понял, что, прежде всего, Дети Неба – это враги. Они жили, соответственно, на небе и спускались тогда, когда у них появлялось какое-то дело к детям земли. «Хочешь жить долго и счастливо – не привлекай внимание Корпуса, будь скучным обывателем и послушным налогоплательщиком», – говорил Тупэ. И хотя жители Риппетры – так гномы называли землю у себя над головами – платили налоги администрации Корсиона, столицы Риппетры, каждый совершеннолетний платил еще и лично Корпусу – налог на безопасность и налог на технологии.

Дети Неба обитали на спутнике под названием Псиланта и владели военным космическим флотом, с помощью которого охраняли жителей Риппетры от

вторжения пришельцев. Правда, за последние триста лет единственными пришельцами, атаковавшими Риппетру, были сами Старатели, которые высоко оценили природные ресурсы новой планеты и установили справедливые торговые отношения. В обмен на минералы, продовольствие и другие ресурсы Корпус делился с жителями Риппетры развитыми технологиями и благами цивилизации. По мере того как база на Псиланте превращалась в крепкий форпост, а количество боевых кораблей и личный состав Старателей возрастали быстрыми темпами, благотворительность закончилась, и появился налог на технологии. Гномы хвастались, что так глубоко ушли под землю, что ни один Старатель их здесь не найдет, а платить пиратам за буровые машины, купленные на рынке за кровные денежки – удел простаков и неудачников.

Но чтобы там гномы не говорили о Детях Неба, Кая больше всего интересовали звезды. Из дорожденных снов он смутно помнил образ сверкающей в темноте россыпи, похожей на кристаллы разбившегося ракушечника. Но представить, как на такой звезде можно построить космическую базу, никак не мог.

– Еще алмазы защищают от удара молнии, – упрямо продолжил любитель алмазов, вернув мысли Кая от звезд в пещеру. – А если на них долго смотреть, любая мигрень или головная боль проходит.

– Ну, знаешь, – фыркнул хозяин. – Когда я на самоцветы пялюсь, у меня тоже настроение повышается. Особенно если это мои камушки. А что касается молний, то в шахте есть вещи и пострашнее. Прорывы вод, например, или газа. И вообще, о чем мы тут спорим? Какое золото, какие алмазы? Все это побрякушки, ими ни детей не накормишь, ни дом не согреешь. А вот как наступит зима, да как отключат генераторы за неуплату технолога, так уголь сразу понадобится. И деньжата польются рекой. Так что, давай лучше ты к нам. У нас тоже новые месторождения имеются. Знаешь Лысую Гору? Мои рудознатцы ее всю в ясность привели. Угольный пласт там мощный, глубокий, и, похоже, закончится антрацитом. Планируем примерно девять этажей забоя, на этой неделе закончим крепи ставить. Ну что, пойдешь к нам?

Любитель алмазов обиженно засопел и надолго припал к кружке, хлюпая пивом. Тиль от души хлопнул его по спине, отчего родственник поперхнулся и заявил:

– Песню петь буду!

Кай обрадовался. Разговоры об угле, золоте и алмазах ему давно наскучили, а гномья песня была веселой и задушевной. Голубоглазый рыгнул и лихо вывел первый куплет:

«Мы славные ребята,

Властители пещер,

И ты, равнины житель,

К нам в горную обитель

Не суй свой тощий хер!»

Тиль грохнул по столу ладонью, похожей на лопату, и гномы грянули припев:

«Да, да, да, да!

Ждет нас жирная руда,

Ждет нас черная руда,

Ждет нас уголь, та-ба-да!»

Певцы сделали паузу, а Тиль, который был уже вдребезги пьян, вдруг забрался на стол и прорычал, заканчивая куплет:

«А проклятых долговязых

Ждет от наших рук беда!»

Никель, будучи обладателем более сильного голоса, чем хозяин шахты, решил привлечь к себе внимание и затянул новый куплет раньше Тиля:

«А если сунешь все же,

Пеняй лишь на себя, –

Тебя мы подровняем,

Тебя мы искромсаем...»

Дальше начиналось самое интересное, и Кай принялся заранее хихикать, но тут низкая дверь с грохотом растворилась, привычно врезавшись в каменную стену, и в облаке угольной пыли возникла могучая фигура Тупэ.

– Генераторы накрылись! – выдохнул он, щурясь от витавшего в воздухе крошева. – Оба!

– Учехоздий! – выругался Тиль, мгновенно трезвея и отпуская волосы Никеля, которого он схватил, собираясь наказать за вмешательство в его, Тилия, пение. – Мы же их в прошлом месяце чинили. Не мог движок сразу на двух машинах заглохнуть!

– А заглох-таки, – пожал плечами Тупэ, с завистью оглядывая остатки ужина. Похоже, поломка главного источника энергии в пещерах его не очень-то волновала. Дежурным полагался паек в виде прессованной каши и компота из грибков – более неудобоваримой пищи Кай не пробовал. Впрочем, с его жизненным опытом в три месяца выводы было делать рано.

– Отсадочная машина? – с надеждой спросил Голубоглазый, но Тупэ безжалостно покачал головой.

– Цепная врубовая?

– Не выжила.

– Нагнетатель воздуха?

– Ничего не работает, – терпеливо повторил Тупэ. – И стенобитный пещеропроходчик, и водяное колесо, и подъемник – все стоит. Ручные буравы тоже сдохли.

– Водоотлив? – как-то растерянно спросил Тиль, но Кай понял, что это уже не вопрос. Наверное, так выглядел скрытый вопль типа «караул».

– Насоса нет, – злорадно произнес Тупэ. – Всю забойную зону через два-три дня затопит. Вода слишком близко от жилы течет. А в главном генераторе, думаю, щетки стерлись. Мы новые покупать собирались на следующей неделе, да, видимо, не судьба. А что со второй машиной произошло, только Калюста знает. Когда издыхала, вибрацию сильную пустила, ну и крепь от этого обвалилась. Потом порода сползла и весь генератор засыпала. Может, конечно, он немного помят, только, мне кажется, там все всмятку.

На мгновение наступила тишина, в которой было отчетливо слышно, как в брюхе Тиля бормочет пиво, пытаюсь договориться с мясом и кашей. Молчали недолго. Гномы заговорили все разом, а Кай с тоской погрузился в нехорошие предчувствия: работы будет много, очень много. Если он ненавидел что-то сильнее угля, так это его добычу. Ему ни разу не дали поддержать могучий ручной бурав, которым орудовали гномы, зато вволю погоняли по руднику с кайлом и киркой. В воспитательно-образовательных целях, как пояснил тогда Тиль. Сдается, подумал Кай, с завтрашнего дня все гномы будут бегать с кайлом и киркой. Интересно, много они угля наковыряют, если их всего тридцать шесть.

Его взгляд медленно переполз от Тиля, который тер лоб с таким усилием, словно хотел содрать с себя кожу, на чашку с сахаром, прятаясь за покрытым сажей котелком. Гномы собирались пить чай. Кай сглотнул и облизал губы.

Он познакомился с сахаром на третий день пробуждения, когда Магний варил брагу, подсыпая в булькающее варево белый порошок с приятным запахом. Сама брага Каю не понравилась, но вот в сахар он влюбился с первой ложки. То, что сахар был дефицитным продуктом, Кай понял, после того как опустошил сладкое содержимое шерстяного мешочка, хранившегося на кухне. Наказание было суровым. Тиль отлупил его метлой – не больно, но обидно, запер на сутки в нужнике, а потом запретил ему есть сахар навсегда. Впрочем, на вторую неделю Кай уже сообразил, что запреты существуют для того, чтобы их нарушать.

Слушая, как Тиль отдает короткие, непонятные приказы Тупэ: починить храповый механизм на колесе подъемника, проверить, не залит ли водой пятый, самый глубокий, ствол шахты и открыть дополнительные ямы-водосборники, Кай медленно положил руку на залитую пивом столешницу и принялся осторожно двигать ее к сахарнице. Он уже рассчитал, что длины руки хватит, чтобы

дотянуться до края чаши. Чай после трапезы был, скорее, традицией. Вряд ли кто-то из этих пивных бурдюков сможет влить в себя еще хоть кружку чего-нибудь. Пропажу сахара никто не заметит.

– Кай! – рык Тиля прокатился над столом и уткнулся в дрогнувшую руку, почти коснувшуюся заветной чаши. – Хватить жрать. Отправляйся с Тупэ и Кобальтом, сможешь вытащить буровую из четвертого забоя.

Кай перевел дух, но радость от того, что его поползновения к сахару не обнаружили, омрачилась распоряжением Тиля. Он надеялся, что после обеда его отправят с Никелем готовить пожар породы.

И все-таки Тиль не зря был главным. Похоже, хитрый гном давно предчувствовал конец технического прогресса в своей шахте и готовился, как мог. Только сейчас до Кая дошел смысл его необычных приказов в последний месяц: отремонтировать ручные лебедки, закупить дополнительные инструменты для ручной отбойки руды, проверить, в каком состоянии находятся стальные кайлы, молотки, топоры и багры. Пожар девятнадцатого забоя относился к числу подобных странных решений. Девятнадцатый отличался особой крепостью рудных тел, которые не поддавались кирке или молоту, а так как использование буровой машины в этой зоне Тиль запретил, гномы собирались применять старый «дедовский» способ – пожар породы.

Кай очень хорошо представлял себе этот «пожар». Перед плоскостью забоя раскладывали костер, который поддерживали в течение многих часов. Нагретые камни забоя постоянно обливали водой, отчего те трескались. Потом в каменные трещины вставляли деревянные клинья, которые тоже смачивали. Дерево разбухало и отрывало куски горной породы от массива. Вся процедура казалась Каю чудесным магическим действием, а присутствие в ритуале полыхающего костра превращало ее в долгожданный праздник. Теперь же вместо красивого зрелища в Девятнадцатом придется надирать спину в Четвертом. Он помнил буровую установку и не мог даже представить, как они втроем сумеют сдвинуть громаду, преграждавшую путь к породе, хотя бы на пару метров.

Но с Тилем спорить было нельзя, и Кай сердито опустил взгляд на свои сжатые пальцы. У него были длинные, сильные пальцы, которые иногда казались ему красивыми. Они не были созданы для того, чтобы колоть руду и таскать буровые установки.

– Ну что, гомункул, покажешь нам магические способности? – хрюкнул сидевший поблизости Никель и толкнул его локтем, видимо, призывая оценить шутку. Кай искренне понадеялся, что буря, взметнувшая в душе, не отразилась на его физиономии.

– Гомункул! – хихикнул Фосфор. За ним обидное прозвище подхватили другие гномы. Впрочем, оно было справедливым.

Кай был гомункулом колдуна Соломона, которого он заочно успел возненавидеть. Ему пришлось приложить много усилий, чтобы научиться не считать прозвище оскорбительным.

Когда Кай, еще чувствующий крепкую связь с чем-то огромным и родным, впервые открыл глаза и увидел склонившихся над ним перемазанных углем карликов, то подумал, что попал в ад, о котором ему снились сны. Снов было много, и они рассказывали о странных мирах. А еще ему казалось, что там, во сне, он был не один, но иллюзия развеялась быстрее, чем Кай успел узнать свое имя. «Демоны», «темнота», «холодно», «сыро» – первые ощущения рождались по мере того, как он беспомощно озирался по сторонам, тщетно пытаясь сесть в луже чего-то липкого и мокрого. Пахло кровью. Когда принесли фонарь, яркий свет подействовал на него умиротворяюще. Кай мгновенно успокоился и, обнаружив край каменной плиты, с которой, очевидно, свалился, осторожно втянул свое скользкое тело обратно.

– Хе, – приветствовал его гном в каске, оказавшийся Тилем. – Рановато ты.

Гномы ничего не скрывали, но правда была нелестной. Кай – гомункул колдуна Соломона, который арендовал у семьи Тиля пещеру на тридцать лет, заплатив за нее драгоценностями, золотом и геологическими разведывательными картами, украденными у Детей Неба. Соломон, как называли колдуна гномы, собирался выращивать в пещере гомункула то ли на запчасти, то ли себе в услужение. Коротконогие обитатели темноты оказались хорошо осведомлены в черной магии и охотно объяснили Каю, какого рода услужение от него требовалось – приносить богатство, славу и любовь женщин своему хозяину. А еще удачу. Однако если с первыми пожеланиями Кай пока не определился, то с последним был уверен, что колдун где-то ошибся в магических формулах. Его гомункулу катастрофически не везло.

Невезение началось с того, что Кай проснулся на четырнадцать лет раньше. Что его разбудило – гномы не знали, и оттого нервничали. Прежде всего потому, что они не понимали, что с ним делать дальше. Колдун не оставил на этот счет никаких указаний.

– Недоросль, – поставил диагноз Тиль, осматривая Кая при свете лампы. – Хотя, надо признать, Соломон свою работу знает. Ты пролежал в этой пещере шестнадцать лет и выглядишь, соответственно, на шестнадцать. Вот бы бабы так рожать умели – сразу готовых.

На этом обсуждение Кая закончилось, и гномы перешли к практическим вопросам: как сообщить Соломону новость и не нарваться на Детей Неба, которые в последнее время часто рыскали поблизости гор, и куда девать «новорожденного». Тиль не любил долгие дискуссии, поэтому решили быстро. Соломону отправят письмо с первым ходоком, появившимся сверху. На молчаливый вопрос в глазах Кая Тиль пояснил:

– Мы на поверхность не выходим, чтобы не «светиться» перед Корпусом. Но к нам народ лезет, как мухи на мед. Любители, спелеологи, колдуны, путешественники, миссионеры, всех не перечислить. Напишем письмо, дадим ходоку мешок с золотом, включим его в счет Соломону и будем ждать. А чтобы ты наш хлеб даром не проедал, будешь в шахте работать.

С тех пор Кай разрывался в противоречивых желаниях. С одной стороны, ему отчаянно хотелось, чтобы в пещеру скорее заявились ходоки сверху и сообщили о нем Соломону. Кай ненавидел уголь, темноту, сырость и спертый воздух с такой силой, что каждый вечер, когда все гномы молились Святой Варваре о безопасности завтрашнего дня, посылал покровительнице шахтеров горячие молитвы отправить ему гонца, который рассказал бы о его появлении колдуну Соломону. Но порой, вспоминая слова Тиля о своем предназначении, Кай мечтал, чтобы Соломон никогда не объявился. Если служение колдуну еще можно было вытерпеть, то вариант с запчастями ему совсем не нравился.

«Гномы», – решил он, когда увидел крошечные кровати, на которых спала семья Тиля Голубоглазого. Вероятно, колдун Соломон, действительно, хорошо знал свое дело, потому что Кай постоянно находил в памяти все новые и новые пласты неизвестной ему культуры, в которой он еще барахтался, но, по крайней мере, уже не тонул. Так, он совершенно отчетливо представлял, как должны были выглядеть гномы. Единственным отличием семьи Тиля было отсутствие

бород у всех мужчин. Что касается женщин, то их прятали так хорошо, что Кай уже сомневался, что они существуют.

– А я тебе говорю, что гомункулы из земли выходят, – громко заявил Никель. – Помнишь, мы еще гадали, что это за мешки Соломон в свою конуру таскает? Земля в них была. И навоз. Бабка моя сама колдовала, ты со мной не спорь. Я таких, как он, знаешь, сколько понавидал? Гомункула сделать не так уж и сложно. Нужны кожа, кости и сперма человека. То же самое – от животного. Лучше от свиньи. Самое трудное – найти нужного человека. Сначала надо сперму собрать, а потом подождать, чтобы человечек окочурился. Убивать нельзя, иначе все испортишь. Лучше всего для этих целей смертельно больные подходят. Так вот, берут все эти ингредиенты и закапывают в землю, а сверху хорошо удобряют конским навозом. Через сорок дней появляется зародыш. Так-то.

– Врешь, – спокойно сказал Тупэ. – Когда мы его нашли, не было ни земли, ни навоза. И вообще, неправильный он какой-то гомункул. Я слышал, что они крохотные, с локоть ростом. А этот вон верзила какой.

– На самом деле, способов создания гомункула существует великое множество, – с ученым видом заявил Фосфор, считавшийся самым начитанным. – Соломон мог использовать любой из них. Например, помощников делают из корня мандрагоры. Вырывают корень обязательно в пятницу, на рассвете, затем моют, а потом долго пропитывают молоком, медом и кровью. Через тридцать дней корень превратится в человека. А еще можно яйцо черной курицы использовать. В нем протыкают отверстие, часть белка заменяют человеческой спермой, заклеивают дырку пергаментом, а яйцо хоронят в дерьме или, по-научному, в экскрементах. Все это надо проделать в первый день мартовского лунного цикла. Гомункул появится на тридцатую ночь. Кстати, питается он семенами лаванды и земляными червями. А еще гомункулов в ретортах варят. Этот способ, кстати, самый удобный. Никакой мандрагоры не требуется, только сперма. Ее сорок дней греют, а потом из колбы человек выбирается. Однако его лошадиной кровью нужно кормить, чтобы не загнулся.

Все покосились на Кая, разглядывающего свои пальцы с таким выражением, словно ничего интереснее на свете не было.

– Не помню, чтобы Соломон возился с яйцами или навозом, – буркнул Тиль, который не любил долго молчать. – Да и пробыл он там недолго. От силы дня два

сидел, а потом запечатал вход камнем, заявил, что придет через тридцать лет, и исчез. Ищи его теперь.

– У колдунов времени никогда не хватает, – вставил Фосфор. – Соломон – сильный маг, сильнее его разве что калюстианские колдуны будут, но они черной магией не занимаются. Думаю, он гомункула по ускоренному методу делал. Кай мог после срока выбраться из земли или из колбы той же и забраться на плиту, где мы его нашли. Здесь ничего сложного нет. Вопрос в другом. Почему камень, которым Соломон завалил вход, и который мы не могли сдвинуть даже лебедкой, вдруг треснул и развалился на куски? Толчков в шахте не было, и вода его не точила.

– От старости, – предложил Тупэ. – А еще я слышал, что уродцев прятать надо, иначе их магические силы исчезнут. Как думаете, наш Кай такой хилый от того, что мы колдовство испортили? Как бы нам не влетело от Соломона.

Гномы беспокойно зашевелились и принялись спорить, кто виноват в раннем пробуждении гомункула, но Кай их уже не слушал. Щеки горели, ногти впились в ладонь, носок сапога отбивал нервную дробь по ножке стула. Злость привычно выплеснулась из глубин сердца и разлилась кислотой по жилам. За те три месяца, что он жил у гномов, ее скопилось в нем слишком много. Хилым он себя не считал, уродливым тоже, и на лаванду с земляными червями его не тянуло. Если он и был гомункулом, то очень странным. Жизнь, подаренная колдуном Соломоном, казалась бесперспективной, так зачем было гадать о ее происхождении?

Блуждающий взгляд Кая остановился на гладкой металлической чаше с сахаром. С тусклого покатога бока посуды на него глядели искаженные в пропорциях, но узнаваемые глаза. Они были зелеными, как пластмассовая ручка ножа Кобальта. В его дорожденных снах зелеными были листья на деревьях, поля и луговины, а еще – море. Неожиданно он понял: желать появления Соломона можно было по одной простой, но важной причине.

Ему необходимо было увидеть прекрасную землю Риппетры.

«Пещеры легко впускают, но с трудом выпускают», – сказал Тиль, в первый раз инструктируя Кая по правилам безопасности. Тогда Кай его не понял, но по мере того как пещеры и уголь заполняли разум и превращали тело в горную породу,

до него начинал доходить смысл и тех слов, и своего существования. Пещеры его не отпустят, Соломон не придет, а сам он рано или поздно превратится в гнома.

Слушая шаги Кобальта и Тупэ, раздающиеся впереди гулким эхом, Кай изо всех сил старался не отстать, однако тяжелая сумка неизменно тянула вниз, замедляя скорость. Гномы взяли с собой все инструменты, какие нашли, на случай, если буровое долото слишком глубоко застряло в породе, и его придется вытаскивать вручную. Ко всему, у него оторвалась подошва сапога, когда он в темноте едва не провалился в яму-водосборник. Кай успел отпрыгнуть, но торчащий из стены прут воткнулся в носок сапога и аккуратно отделил подметку, чудом не задев ногу. А кто-то еще говорил, что гномы хорошие сапожники. «Фуфло», – подумал Кай, приматывая подошву оторванным рукавом, так как веревки поблизости не оказалось. Догонять Тупэ и Кобальта пришлось бегом, рискуя в кромешной тьме сломать шею.

Пещеры, где жили гномы, и, собственно, шахта с забоями, соединялись широким тоннелем с деревянными крепями, сохранившимися со времен, когда уголь добывали топорами и кирками. Тиль хвастал, что пропитанная каменным маслом древесина северного дуба прочнее металла, и в замене крепей нет необходимости. Ведь за весь период работы шахты на этом участке ни разу не случилось завалов. У суеверного Тупэ было другое мнение. Гном считал, что в тоннеле живут духи-стуканцы, и, если их потревожить, они начнут вредить забою. Поэтому крепи и не меняли.

Правду Кай узнал позднее – от всезнающего Фосфора. Оказалось, что породы, лежащие над тоннелем, были пронизаны водными жилами, и работы по замене крепей могли вызвать прорыв воды. В свое время тоннель освещался мощными прожекторами, а также был оборудован кондиционерами и системой водоотлива. Теперь и свет, и чистый воздух остались в прошлом. Ямы-водосборники, сохранившиеся с древних времен, были загорожены плитами, но после поломки генератора, Тиль приказал их открыть, поэтому приходилось внимательно смотреть под ноги.

Кобальт нес догорающую лампу ракушечника, и ее сухое потрескивание отдавалось недобрым шепотом от холодных известняковых стен, сочащихся влагой. Пятно тусклого света плыло далеко впереди Кая, и он старался напрягать все чувства, чтобы не свалиться в очередной водосборник. А еще в голову лезли разные мысли о стуканцах и прочей нечисти, которая, по словам

суеверных гномов, населяла пещеры. Разум и логика уступили место слуху, инстинкту и интуиции. Пару раз Кай едва не свернул в боковые ветви, но вовремя замечал свет ракушечника. А затем обливался потом, представляя, как ломает шею на дне колодца или тонет в глубоководном сифоне. Однажды, когда еще работали мощные фонари, Тиль провел его в один из боковых проходов и показал галерею, состоящую из череды колодцев, соединенных между собой перелазами. Глубокие отвесы, вертикальные стволы породы, уходящей в вечную тьму, сифоны с быстрым течением и звук падающей в бесконечность воды убедили Кая, что ходить следует исключительно по одному маршруту и лучше в сопровождении кого-нибудь из обывателей.

Наконец, они вышли на относительно ровный участок, и Кай, собрав силы, догнал гномов. Тупэ и Кобальт вели оживленный разговор на излюбленную гномами тему – о том, у какой семьи рудник лучше. Кобальт перешел к Тиллю Голубоглазому после того, как его родную шахту, лежащую где-то на юге, затопило прорвавшимся водным потоком.

– Говори, что хочешь, но у вас там хорошо было, – заявил Тупэ. – Мощность большая, кровля крепкая, угольной пыли и метана вообще нет. А главное – сухо!

– Сухо было только зимой, – ворчливо поправил его Кобальт. – Летом на нижних уровнях всегда заливало, обвалы из-за этого часто случались. Идешь, а тебе кусок на голову прилетает.

– А торкретирование проводили?

Кобальт фыркнул, мол, конечно, но Тупэ не унимался:

– С армированием?

Кай не любил долго молчать, а тишина тоннеля наводила на него тоску, поэтому он бесцеремонно вклинился в разговор гномов:

– Послушайте, – окликнул он их, – а если генератор починить не сумеем, как же работать будем?

– Как раньше, – отрезал Кобальт, смерив Кая недовольным взглядом. – Рыть топорами уголь, загружать его на ослон и вытаскивать на поверхность.

– А ослон, где возьмем?

– У Святой Варвары, – хмыкнул Тупэ и сунул в руки Кая лампу из ракушечника. Намек был понятен: коли болтаешь, значит, есть силы нести больше.

Кай не хотел нести еще и поклажу гномов, поэтому замолчал и хмуро уставился на тусклый брусок, отливающий серебром. Гномы принялись обсуждать буровую установку, которую предстояло тащить.

– Хорошая машина, – мечтательно протянул Кобальт. – Добрая. Я три месяца на ней пилотировал. Подумать только, у бурового жала максимальное вращение – тысяча оборотов в минуту. Бур, кстати, армирован алмазами. Они хоть и технические, но лучше их снять, чтобы не пылились. Тиль сказал, что генератор чинить не меньше месяца будем, а алмазы лучше держать под присмотром.

– Да, – подхватил тему Тупэ. – Я тоже на ней катался, правда, всего пару раз. Это же надо, столько способов бурения – и все в одной установке. Тут тебе и алмазное, и дробовое, и турбинное. Кажется, гидродинамика тоже есть. А еще роторное и вращательное, куда же без классики!

– Химическое забыл, – подсказал Кобальт – В Р88 такие реагенты имелись, что породу разъедали за секунды. А какие у малышки штанги...

К радости Кая наметившийся разговор о достоинствах бурильной машины прервался тем, что они вышли из тоннеля и подошли к клетки-лифту, которая теперь поднималась и опускалась ручной лебедкой. В пещере еще витал дух цивилизации в виде мониторов пульта управления, уже успевших покрыться слоем пыли. В углу, на груде пустых ящиков с надписью «Сделано на Псиланте», храпел дежурный. Кай видел его редко и имени не помнил.

Тупэ разбудил гнома пинком, и после взаимных препирательств все трое втиснулись в клетку, которая со скрипом стала погружаться в вертикальный ствол, зияющий темнотой. Клетка была узкой, стоять приходилось тесно прижавшись друг к другу. От Тупэ исходил кислый запах браги, которую гномы варили из грибков и плесени. Впрочем, глядя сверху вниз на немытую шею

товарища, Кай подумал, что прежде всего от того должно нести грязью, а потом уж другими видами зловония. Но, вероятно, запах немых тел стал настолько общим для всех троих, что был больше не в силах раздражать ничье обоняние.

Мылись гномы редко, по крайней мере, в жизни Кая этого еще не случилось. Кай не знал, была ли его тяга к чистоте свойством всех гомункулов, или он был какой-то неправильный, но желание вымыться порой достигала непреодолимой силы. Он пытался использовать для этой цели воду из бочки для питья, которая стояла в углу спальни, но после того как его застали врасплох и, по обыкновению гномов, отлупили, прекратил опасное занятие. Через пару недель зуд в теле стал почти привычным.

Буровая установка с серийным номером P88 выплыла из сумрака чудовищным кротом, утонувшем зубастой мордой в черном провале забоя. Сейчас Каю был виден только ее зад, но он помнил широкий многоступенчатый ряд огромных дисков, покрытых острыми, похожими на клыки зубьями. Они увенчивали вытянутый нос буровой установки, усиливая сходство с диковинным зверем.

Кай восхищенно приблизился к исцарапанному боку и задрал голову, обшаривая взглядом каждый выступ, впадину и изгиб самой большой машины, какую он только видел. И хотя его жизненным опытом нельзя было похвастаться, отчего-то Кай был уверен, что подобные машины могли захватить воображение любого живого существа, наделенного любопытством и чувством страха. Плавные, обтекающие формы P88 уходили вверх на невообразимую высоту всего многоэтажного забоя, торжественно скрываясь в темноте, царившей где-то под потолком штольни. Кай подумал, что будь он таким же верующим, как гномы, то молился бы P88, а не Святой Варваре, которая казалась совсем неуместным образом для поклонения в грубой атмосфере угольного рудника.

Увлечшись разглядыванием буровой установки, Кай не сразу обратил внимание на шум из боковой ветви штольни. Очнувшись, он понял, что давно стоит в темноте, рисуя в воображении фантастические детали скрытой во мраке машины, а рассеянный свет ракушечника плавно исчезает в узком тоннеле. «А где дежурные?» – с опозданием подумал Кай, пробираясь к светящемуся входу.

Долго гадать не пришлось. Едва он сунул голову в проход, как в лицо брызнуло каменное крошево, а голос Тупэ запоздало крикнул: «Берегись!». Кай проворно опустился на четвереньки и, порвав новую заплатку на штанах, подполз к Кобальту и Тупэ, которые сами сидели на пятках, спрятавшись за вагонеткой.

Вопрос о том, что здесь происходит, застрял на губах, стоило ему осторожно высунуться из укрытия. В трех метрах от них в мерцающем свете ракушечника катались в пыли два гнома, осыпая друг друга ударами кулаков. «А вот и Азот с Кальцием», – подумал Кай, вспомнив имена дежурных гномов. Оглянувшись на провожатых, он понял, что те вмешиваться не собираются. Это было предсказуемо. Из всех нехитрых развлечений рудника драка была самым горячо любимым зрелищем. Особенно ценились те кулачные разборательства, которые вспыхивали по уважительной причине.

Пошарив глазами по каменному полу, Кай очень скоро эту причину нашел. Она валялась недалеко от места, где устроились зрители. Обычный нож с рукояткой, обмотанной промасленным шнуром. Впрочем, когда он разглядел рукоять, все стало ясно – она была пластмассовой. Тиль мог сколько угодно рассказывать про золото и алмазы, но Кай, наблюдавший за гномами три месяца, сделал собственные выводы. Что бы там ни происходило на поверхности, но самоцветы и благородный металл ушли в прошлое. Пластик – быстро исчезающий из-за высоких налогов Старателей и тем самым резко набирающий популярность – вот, что сейчас ценилось дороже жизни.

Убедившись, что вся четверка гномов поглощена дракой, Кай осторожно подполз к вещице и, спрятав ее в карман, вернулся к буровой установке. Усевшись на ступеньку, ведущую в кабину пилота, он достал нож и принялся вертеть в руках, пытаясь проникнуться его ценностью. Увы, оружие не впечатляло. Тусклый клинок, поцарапанная рукоять красно-бурого цвета – вся в трещинах и сколах, грязная, ненужная шнуровка. Кай не любил пластик и во время обеда всегда уступал пластмассовые кружки, за которые обычно шли споры, с удовольствием меняя их на стеклянные стаканы. Нож ему тоже не понравился, но, повинуясь интуиции, сунул его во внутренний карман куртки. Пригодится. Вором Кай себя не чувствовал. По суровым законам гномьего царства, вещь, брошенная на пол, становилась собственностью того, кто подобрал ее первым.

Подумав о том, что из-за драки они займутся буровой машиной не раньше, чем через час, он решил вздремнуть. Люди Тиля Голубоглазого вставали рано, ложились поздно, и сна ему всегда не хватало. Повозившись на жесткой ступени, Кай, наконец, нашел удобное положение и приготовился вернуться туда, где, по его мнению, пребывали все гомункулы, когда спали. Такое большое и уютное место, со знакомым запахом и приятным прикосновением, одним словом – родное. Когда-то он был там, но, увы, с каждым днем воспоминания становились все бледнее, словно звезда, умирающая на рассвете.

Кай привычно втянул голову в плечи, стараясь плотнее закутаться в куртку. В пещере было зябко. Неожиданный звук, раздавшийся сверху из темноты, в которой растворялась громада буровой установки, заставил его открыть глаза и пристально взглянуть во мрак. С таким же успехом можно было пытаться разглядеть свое отражение на поверхности покрытого копотью кухонного котла.

В следующую секунду ему на нос шлепнулась тяжелая холодная капля. Недоуменно привстав, Кай смахнул воду с лица, но тут на него приземлилась вторая капля. А за ней третья. Почуввав неладное, он открыл рот, чтобы крикнуть, и едва не захлебнулся в потоке мутной воды, мгновенно вытеснившей воздух из легких. Успев подумать о том, что, когда он просил местных духов послать ему воду для мытья, то не рассчитывал на такую щедрость, Кай потонул в бурлящей пучине.

Его спасло то, что на двери кабины, имелась прочная ручка, за которую цеплялись пилоты, карабкаясь к пультам управления. Схватив ее и с трудом подтянув тело вплотную к холодному боку машины, Кай пополз наверх, передвигая поочередно руки по стальному стержню и чувствуя, как ноги выплывают чудовищные ритмы, безвольно болтаясь в стихии. И хотя ему казалось, что до кабины пилота он карабкался вечно, все произошло за секунды. Второй раз ему повезло в том, что стекло на дверце оказалось опущенным. Кабина сильно нагревалась, а кондиционер не могли починить из-за отсутствия какой-то детали, которая вдруг исчезла с рынков – поэтому стекло и не поднимали.

Кай втянул мокрое тело внутрь, отметив, что его заветная мечта – побывать в кабине пилота буровой – была исполнена таким же способом, как и желание помыться. В поле зрения мелькнули тусклые экраны, загадочные зеркальные поверхности и армия рычагов, торчащих из стен, пола и даже потолка. В центре этого великолепия возвышались три кресла с шлемами и ремнями. Кай как раз уткнулся лицом в подножие одного из них. Впрочем, рассматривать чудо техники было некогда, к тому же теперь оно было мертвым.

Завозившись на скользком полу и не обращая внимания на боль в лодыжке, которая попала под тяжелую струю, Кай все-таки добрался до окна. Как замороженный, он уставился на лампу ракушечника, застрявшую в стене меж камней и освещавшую картину подземного ада. Сердце стукнуло, пропустило удар, а потом загрохотало так, что заглушило звук хлещущей с потолка воды.

Мощная струя водопада, бьющая как раз в том месте, где он сидел, загоразивала обзор, плюясь брызгами и мокрым каменным крошевом. Пол исчез в мутных потоках, а границы грязного озера, разлившегося на месте одного из самых богатых забоев, неуклонно приближались к окну кабины.

«Вода должна уходить!», – отчаянно подумал Кай, высматривая гномов. В то, что поток, хлынувший в узкую горловину тоннеля, где находились гномы, скорее всего, расплющил всех о камни, он не верил. Кай ненавидел Тупэ, не переваривал Кобальта и не уважал Азота с Кальцием, но все обиды испарились, исчезли, словно след грязи, смытый водой. Им овладело мощное, неизведанное ранее чувство, полное эгоизма и первозданного страха. Ему не хотелось оставаться в этой пещере одному – даже на короткое время. Страх одиночества неожиданно оказался сильнее страха смерти.

Наконец, Святая Варвара, или дух буровой установки, или кто там еще покровительствовал шахтерам, ответили на его невысказанные молитвы. В грязном водовороте показалась каска, и к счастью она была не пустой. Сначала Кай подумал, что у Тупэ оторвало голову, и вода швыряет об стены лишь каску со страшным содержимым, но тут гном пришел в себя, и над поверхностью показали руки.

– Сюда, плыви сюда! – закричал Кай, с трудом различая собственный голос. В порыве отчаяния он сорвал собственную каску и швырнул ее в сторону гнома, надеясь, что не утопит того окончательно. Удивительно, но каска шлепнулась в нужном месте. Рука Тупэ, бешено молотящая по воде, стукнулась о ее каркас, гном лихорадочно завертел головой, ища тело, и их глаза встретились.

Когда Кай помог ему взобраться в кабину, гигантские колеса буровой уже скрылись под водой. Кай не знал, сколько времени нужно потоку, чтобы добраться до опущенного стекла и хлынуть в кабину, но надеялся, что пара минут у них есть.

– Азот, Кальций, Кобальт? – выкрикивал он имена гномов, держа за плечи кашляющего Тупэ. Бровь гнома была глубоко рассечена, заливая лицо кровью, но других ран Кай не заметил.

– Все там, – Тупэ махнул рукой туда, где находился тоннель. – Я ведь за тобой пошел, когда прорвало... Думал, заставить тебя ремни крепить, пока мы ребят

разнимать будем. О, Калюста, спаситель!

Тупэ тяжело облокотился о колени, опустив вниз голову. Из-за рева воды Кай точно не мог слышать, как капли крови из рассеченного лба гнома, разбиваются о пол кабины, но ему казалось, что они падали с оглушительным грохотом.

– Можешь плыть? – прокричал он ему на ухо. – Надо найти вход и подъемную клеть. Там вертикальный ствол, вода не затопит его полностью. Дежурный нам поможет!

– Дежурный нас похоронил, – мрачно заверил его Тупэ. – Ты чем инструкцию по безопасности читал? Задницей? При таком прорыве все входы сразу блокируют.

– Но как же так? Вода ведь не поднимется быстро. Может, нас еще не успели закрыть? – не сдавался Кай, но тут пол под ногами дрогнул, и он рухнул на Тупэ, подминая его своим весом. Гном возмущенно забарахтался, но встать на ноги у них не получилось. Бросив взгляд в окно кабины, Кай увидел, как к ним стремительно приближается подсвеченная ракушечником стена пещеры. «Надо же, вода оторвала буровую от пола!», – с невольным восхищением подумал он, и закрыл голову руками, защищаясь от водопада осколков, брызнувших с разбитого лобового стекла.

Их с бешеной скоростью закрутило, снова швырнуло об стену, словно буровая до последнего вздоха выполняла свою главную миссию – крушить породу, а потом раздался оглушительный лязг, похожий на тот звук, который рождается, когда лезвие ножа попадает на наковальню. У гномов была кузница, и Кай хорошо знал ее звуки.

– Хана нам, в потолок врезались, – вынес вердикт Тупэ и попробовал мрачно пошутить. – Знаешь, если случится обвал, я буду даже рад. Как-то это почетнее, чем в воде захлебнуться. Что думаешь?

Кай не думал – он был в бешенстве. Спокойствие гнома вызывало негодование. Может, Тупэ и нечего было терять, ведь он жил не какие-то там три месяца, как некоторые. Но ему, Каю, еще нужно было успеть многое. Смерть в его планы не входила. Свет ракушечника тускнел с каждой секундой, не в силах пробить толщу мутной воды, но он уже и не требовался. Кай почувствовал, как ног коснулась холодная влага – вода стала заливать кабину.

– Быстро! – скомандовал он. – Надо выбираться из этого гроба.

– Полезли, – вздохнул Тупэ без энтузиазма. – Но по мне так лучше умереть спокойно. Чем тебе эти кресла не нравятся? К тому же, скоро метан пойдет, зачем дергаться?

«Какое странное отношение к смерти», – подумал Кай и постарался уцепиться за эту мысль, потому что пустота, разливающая в голове при виде потоков, бурливших под ногами, страшила сильнее смерти. Борта машины оказались словно специально предназначены для того, чтобы по ним карабкались. Многочисленные выступы, трубы, бесполезные и намертво заклиненные рычаги попадались под руки вовремя и ни разу не подводили. На какое-то время Кай даже поверил, что все будет хорошо. Пока у них была цель, они двигались. Машина давно превратилась из буровой установки в их личный корабль, флагман спасения, который время от времени стучался о стены пещеры, вызывая камнепад и заставляя спасающихся крепче вжиматься в ее металлическое тело.

Вокруг летали камни, срывающиеся с потолка. Они вздымали фонтаны брызг, напоминая вражеские бомбы. Любой мог разmozжить им голову даже касанием вскользь, но Кай был уверен – в них не попадут. Он твердо знал, что умрет не здесь и не сейчас и распространял эту уверенность на Тупэ. Несправедливо умирать, еще не начав жить. Верх и низ поменялись местами, их окатывало мутной водой и каменными брызгами, от пронзительного холода грунтовой воды сводило ноги, но они ползли.

Болтание кончилось внезапно, оборвавшись вместе с лязгом, сопровождавшим их перемещение по быстро затопляемой пещере. «Корабль» остановился, намертво застряв в каменном выступе на потолке. Кай и Тупэ повисли, цепляясь за трубу, оторвавшуюся от корпуса буровой. Вода достигала им по пояс, но, несмотря на то что рев водопада стал тише, продолжала прибывать. Гном мрачно сплюнул, и его плевков быстро умчался в темноту, смешавшись с пузырявшейся водой. Кай проследил глазами за пеной и вдруг замер. Это было невозможно, но в одном месте мрак казался чернее.

– Там! – крикнул Кай, встряхивая гнома. – Не видишь ничего странного?

Тупэ мрачно уставился на него, показывая всем видом, что странностей в пещере хватает, но потом перевел взгляд туда, куда указывал палец Кая. И закричал так, словно окружавшая их вода превратилась в лаву:

– Скорее! Это вентиляционная шахта!

Кай повиновался без слов, потому что расстояние, отделявшее границу воды до потолка, сократилось до локтя. Отверстие оказалось забрано решеткой, но Тупэ неуловимым движением то ли кулака, то ли пальцев снес ее прочь и первым исчез в еще пока сухом лазе. Высокий и более крупный, чем гном, Кай втиснулся в него с трудом, не обращая внимания на то, что оставляет на камнях лоскуты кожи с ладоней, спины и коленей. Ему казалось, что вода, словно дикий зверь вот-вот вцепится ему в пятки, и постоянно подталкивал Тупэ, ползущего, по его мнению, слишком медленно. Он громким шепотом отсчитывал время, с каждой секундой ожидая удара. Раз, два, четыре, пятнадцать, двадцать восемь...

Когда это произошло, и босых ног коснулась ледяная лужа, медленно ползущая за ними следом, Кай не сдержал крика и принялся изо всех сил толкать неповоротливого гнома. Кромка воды достигла ладоней, потом ног Тупэ и исчезла в темноте впереди. Ожидая, что ее уровень вот-вот начнет расти, Кай уперся руками в задницу гнома и стал двигать его, словно ядро, которое нужно было вытолкать наружу.

– Быстрее, нужно быстрее, пожалуйста, Тупэ, соберись! – лихорадочно шептал он, больше подбадривая себя, чем гнома, который сохранял странное спокойствие и даже не пытался помочь Каю увеличить скорость их перемещения. Когда вода так и не поднялась, а превратилась в ручей, в котором утопали лишь их запястья и ноги, Тупэ с довольным видом обернулся и пробасил:

– Сбавь темп, приятель. Сейчас вилка будет, один ствол пойдет вниз, а другой вверх. Вода вся в дробильню уйдет. Спасемся! А вот тринадцатому забою хана.

Когда узкий канал вентиляционный шахты вывел их к людям, Каю показалось, что он постарел лет на десять. Тиль встретил их как обычно спокойно – словно они и не спасались от смертельного прорыва, а вернулись из похода к соседям за продуктами. Узнав, что вода затопила четыре забоя вместе с дробильней, он нахмурился и грустно вздохнул. Кай его не понимал. После известия о гибели

сородичей Тиль не выказал особой скорби, даже вздоха сожаления не издал. А шахты ему, значит, жаль. Чувствуя, что в нем закипает злость, Кай открыл рот, еще не зная, что скажет, но уже опасаясь последствий своих слов. Однако Тиль его опередил:

– Сегодня можете не работать, – буркнул он, кивнув Тупэ с Каем, и быстро скрылся в боковой штольне. Решил оплакать мертвых сородичей без свидетелей?

Но поведение Тупэ поразило его сильнее равнодушия Тиля Голубоглазого. Едва обсохнув у очага, гном уже хвастливо рассказывал об их спасении, уплетая за обе щеки мясную похлебку и окуная нос в пиво, которое ему щедро подливали благодарные слушатели. Скорбящим никто не выглядел, да и атмосфера в кухне больше напоминала праздник – постоянно прибывали новые гномы, желающие услышать захватывающую историю. Кто-то пытался подсесть к Каю, но убедившись, что легче поговорить с куском угля, уходил к Тупэ.

Кай не выдержал первым и, улучив минуту, когда гном отправился отлить, схватил его за плечи, прижав к стене.

– Да что с вами такое? – воскликнул он, удивленный тем, что творившееся у него на душе не хотело превращаться в слова. Внутри кипел гнев, и на губах рождалось лишь бессвязное рычание.

– А что случилось? – растерянно заморгал Тупэ и схватился за ремень. – Ой, сейчас лопну, честное слово, лучше пусти.

– Азот, Кобальт и Кальций погибли! – наконец, выдохнул Кай.

– Ну да, – все еще недоумевая, ответил Тупэ и с беспокойством поглядел в сторону уборной.

– И это все, что ты можешь сказать?

– Эй, парень, – Тупэ сердито убрал руки Кая со своей куртки. – Сегодня утонули они, завтра сдохнем мы. Какая разница, кто первый?

- Но так нельзя! - выдохнул от возмущения Кай.

- Почему нельзя? - пожал плечами гном. - Это шахта, здесь все когда-нибудь умирают. Обвалы, взрывы, затопления, выбросы угля и газа - мне продолжить? К тому же ребята сами на Ремкина напоролись.

- На кого?

- На Ремкина, - теперь настала очередь Тупэ возмущаться. - Помоги мне, Калюста, не обмочить штаны! О стуканцах слышал?

Кай кивнул. Гномы верили, что стуканцы - это духи, которые живут в штольнях, стучат кирками и бегают по пустым забоям. Они могли указать на рудоносную жилу, а могли и убить. Одни гномы утверждали, что нужно много руды бить, тогда стуканцы тебя не тронут, другие верили, что все дело - в чести и дисциплине.

-Ну вот, - буркнул Тупэ. - Ремкин у них главный. Будешь породу хорошо бить, аккуратно, он тебе поможет, а если начнешь на забое хулиганить или, как эти двое, драться, завалит или затопит. Смотря, какое у него настроение.

- Но Кобальт...

- А Кобальт смотрел, - перебил его Тупэ. - Это тоже считается. На забое надо руду колотить, а не развлекаться.

- Ты тоже смотрел! - возмутился Кай.

- Я - другое дело, - отрезал гном. - Во-первых, я за всю жизнь больше Кобальта угля набил, поэтому Ремкин меня и выпустил. А во-вторых, я в Калюсту верую, а не в какую-то там Святую Варвару. Калюста своих в обиду не дает, вот и с Ремкином насчет меня договорился.

- Не верю я ни в твоих ремкинов, ни в святых варвар, ни в Калюсту, - в сердцах заявил Кай.

– Ну и дурак, – фыркнул Тупэ. Посмотрев по сторонам, и убедившись, что в тоннеле никого нет, он повернулся к стене и, повозившись со штанами, издал вздох облегчения. Из-под сапога гнома выползла лужица, Кай брезгливо шагнул в сторону.

– На твоём месте, я бы так беспечно от Калюсты не отмахивался, – заявил гном, довольно заправляя штаны. – Он ведь нас в этот мир перенес, от Хищиды укрывает.

Кай непонимающе уставился на Тупэ.

– Да что с тобой говорить, ты же гомункул, – махнул рукой гном и направился к шумевшим в столовой товарищам.

– А ты объясни! – Кай ненавидел, когда ему тыкали на его происхождение.

– Все равно не поймешь.

– Хотя бы попробуй.

– Ладно, – Тупэ резко остановился и ткнул в Кая пальцем. – Но повторять дважды не буду. Вот, что, по-твоему, в пещерах самое страшное?

– Гомозуль! – без запинки выпалил Кай.

– Чушь! Самое страшное – это Хищида или по-другому самодел, который иногда в нижних забоях проступает. Тиль про него не говорит, чтобышний раз не поминать вслух. Все в шахтах Хищиду хоть раз да видят, а потом на всю жизнь запоминают. Вот встретишь ее, сразу Калюсту вспомнишь. Тогда только молитвы и помогут.

– Как можно быть страшнее гомозуля? – недоверчиво спросил Кай. – И причем здесь Калюста?

– Молчи лучше. Ты ведь ни первого, ни второго не видел, вот и радуйся. Хищида – это не зверь, а грибок. Заразный очень, может, и в пищу, и в воду проникнуть. Ты все это проглотишь, и еще лет пять счастливый ходить будешь. А потом

притопаешь к разрыву – это области такие на Риппетре, где Хищида открыто плещется, – и утопишься. К счастью, сегодня разрывов почти не осталось, разве что у нас, в пещерах. Но и быть отравленным Хищидой – мало приятного. Если отравился, то лучше сразу в разлив с головой. Хуже только если тебя санитарный патруль Корпуса загребет. Их в Корсионе знаешь сколько? Каждый день челноки с отравленными на Псиланту улетают.

– Зачем?

– Как зачем? Опыты на таких ставят. Хищида – главная вражина Корпуса, вот они и пытаются понять, как с ней бороться. Дело-то благое, да только пока одни неприятности, что от нее, что от Корпуса.

– А на что она похожа, Хищида эта?

– На сопли цветные, ни с чем не перепутаешь. Говорят, в самодельских разрывах много утопленников. Их чантами называют. Дело в том, что человек, попавший в Хищиду, вроде как и не умирает, но уже и не живет. Веками в этой жиже существует, а грибок из него мысли вытягивает, и из них всякие форму и сущности строит. Поэтому его также называют самоделом. В том смысле, что грибок может увидеть сны чанта, восхититься ими и сотворить из себя любое нечто. Взять, например, нашего гомозуля. Ну, где в природе ты такое несуразное чудовище встретишь? Это точно не творение Калюсты, гомозуля сделал грибок, подсмотрев кошмар какого-нибудь чанта. И таких тварей там, на поверхности Риппетры, полно. А когда к нам прилетели Дети Неба, они грибок по-научному обозвали – Хищидой. Корпус его очень не любит. Ведь самоделу этому все равно, что повторять – мысли человеческих чантов, затопленные города или попавшие в грибок космические корабли с новейшим вооружением.

– А откуда он взялся, грибок этот?

– Ну, – гном замялся, – много чего болтают. Калюстианцы, церковники наши, говорят, что Хищида на этой планете всегда была. Можно сказать, вся Риппетра – и есть Хищида. Сверху грибок покрыт водой и сушей, где мы живем, но иногда случаются разрывы, и грибок выходит на поверхность. Чаще всего это именно в пещерах случается. Наша шахта глубоко сидит, Тиль очень рискует. Хищида периодически нижние забои затапливает, но тут жилы хорошие, пока держимся.

Тупэ помолчал, раздумывая над чем-то.

– Полгода назад, – снова начал он, – когда мы с Клевером в городе по делам были, моряки рассказывали, что близ Южного Полюса видели целый город из Хищиды. А другие болтали, что недавно Самодел слепил из себя боевой катер Детей Неба, который сам же волной и захлестнул, когда машина слишком низко над разрывом летела. Правда, такие конструкции долго не живут, но Старатели боятся, что Хищиды может их технологии украсть и, например, собственную армию боевых роботов смастерить. Поэтому на Риппетре даже телевизоров нет, не то, что на Псиланте. Там и роботы, и порталы, и чудеса цивилизации. А у нас все это запрещено – чтобы Хищиды ничего не украла. И за любые игрушки с Псиланты мы платим втридорога, а потом еще и налог на них пожизненный. По Корсиону постоянно санитарные патрули разъезжают, могут, кого угодно на заражение проверить. А если узнают, что ты, например, к разрыву на машине ездил – все, загребут. Вот, как ты думаешь, зачем Тиль так глубоко в пещеры залез, рискуя на Хищиду напороться? Все потому, что такие буровые установки, как наша, уже лет пять как запрещены. Оттого и запчасти на них трудно найти. Если Корпус узнает, что мы руду колуем под носом у Хищиды – да нас всех, в лучшем случае, оштрафуют так, что до конца жизни будем горбатиться, чтобы долг выплатить. А в худшем – на Псиланту заберут в качестве подопытных. Им там всегда мясо для экспериментов требуется. Поэтому я верю в Калюсту! Он меня не только от Корпуса защитит, но и от Хищиды поганой.

– И кто этот Калюста? – без особого интереса спросил Кай. Имя ему не понравилось.

– Он тот, кто сделал жизнь на Риппетре идеальной для человека! – гордо ответил Тупэ. – Одна из святых книг калюстианцев называется «Происхождение». Я, когда в городе был, как раз попал на проповедь Великого Патронага, который по этой книге проповедовал. Такое на всю жизнь запоминается. Так вот в древние времена люди жили на планете под названием Гайя. Жили плохо, страдали постоянно, то у них войны, то засуха, то еще какие-то передряги... И тогда Калюста решил спасти тех, кто в него верит. Для этих целей лучше всего подошла Риппетра, единственным минусом которой была Хищиды, грибок то есть. Всемогущий Калюста решил проблему быстро. Перенес с Гайи сушу и воду и облепил ими грибок так, что Хищиды скрылась внутри – как ядрышко под скорлупкой ореха. Люди на Риппетре стали процветать, и тысячелетиями никто о Хищиде даже не вспоминал. Но по мере того как ослабевала вера людей в Калюсту, грибок стал постепенно просачиваться на

поверхность. Все эти разрывы говорят лишь о том, что на Риппетре слишком много грешников стало. Про семью Тиля я уже не говорю. Стоит ли удивляться, что в нижних забоях грибок просачивается, если все рудокопы Святой Варваре поклоняются. Я как-то Тилю об этом прямо сказал, но он калюстианцев не любит и заявил мне, чтобы я о своем Калюсте помалкивал, иначе меня самого в закрытый шестнадцатый забой отправят на свидание с Хищидой. Посмотрим, говорит, как тебя твой Калюста тогда спасти будет.

– Эй, Тупэ! – высунулся из кухни Клевер. – Ты идешь? Мы бочку вскрываем.

– Все, парень, – засуетился Тупэ, – я за пивом. Если надумаешь в Калюсту поверить, то это легче, чем отлить. Просто спрашивай у него, что делать, когда на душе или в жизни совсем хреново. Вот, когда я в той шахте в воде барахтался, я его так и спросил, что делать: тонуть или еще побарахтаться немного? Он сразу ответил, без промедлений – плыви, мол, к каске. Я к ней погреб, а потом и тебя в буровой машине увидел. Так-то, браток, Калюста – это тебе не Святая Варвара.

Ошарашенный религиозными откровениями гнома, Кай долго бродил по жилым коридорам, стараясь не попадаться никому на глаза. Калюста, Святая Варвара, Ремкин – все смешалось в его голове, и в мозаику складываться не хотело. Одно он знал точно: отношение гномов к смерти было неправильным, и от осознания этой неправильности его тошнило. Наколував со стены лишая, Кай скатал его в три тугих комка и плотно перевязал бечевкой. Дождавшись, когда кухня опустела, он зарыл связанные куски в тлеющих углях очага и постарался вспомнить об умерших гномах что-нибудь хорошее. Он не знал, почему это делает, но интуитивно чувствовал – так надо. Ничего не придумав, Кай просто пожелал им добрых снов – таких, какие снились ему до рождения.

Много часов спустя, лежа на узкой гномьей кровати, с которой у него свисали ноги, Кай думал о том, что же такого он успел сделать в своей короткой жизни, отчего Святая Варвара, или Калюста, или еще какие-нибудь духи пещеры спасли именно его, а не тех несчастных гномов, захлебнувшихся во время прорыва. Во снах до рождения ему часто снилась смерть, и Кай думал, что изучил эту сторону бытия, а вернее, его конца. Теперь было ясно – он не знал о ней ничего. Иллюзия мироздания, подаренная снами, отличалась от настоящего мира, как последние слова храброго книжного героя от слов смертельно больного, умирающего дома на койке.

В реальной жизни перед смертью часто не успевали сказать ни слова.

Когда гномы передвигались по шахте – на работу или по личным делам, они всегда молились Святой Варваре – за исключением Тупэ, который о своих религиозных убеждениях по понятным причинам не говорил.

Никель ничем от других не отличался.

– О, Святая Варвара, спускаясь в темные недра молю тебя отвести беду! – шептал он, пробираясь по темному тоннелю.

«Молился бы ты лучше Ремкину, – подумал Кай, двигаясь следом. – Или Калюсте».

У него не было никакого желания попасть под обвал или очередной потоп, но Никель прямо-таки нарывался на неприятности. То, что он направлялся не на работу, было также ясно, как и то, что Никель скрытничал. Гном постоянно оглядывался, словно опасаясь слежки, долго останавливался, прислушиваясь к звукам шахты, припадал ухом к мокрым известняковым стенам, а потом, крадучись, двигался вперед, ступая тише прежнего. За спиной у него болтался мешок, откуда доносились запахи хлеба и каши, а иногда булькала вода во фляге. В одной руке Никель тащил скатку из новых одеял, пахнущих мылом, а в другой – тусклую лампу из ракушечника. А еще гном был вооружен. На поясе у него болтался не ножик для овощей, а тесак, которыми обычно рубили мясо. Почему-то Кай был уверен, что Никель направлялся не на кухню.

Лампа из ракушечника отчаянно трещала, но эти звуки давно стали привычными на руднике Тиля Голубоглазого. Фонари, работающие на батареях и аккумуляторах, берегли, оставляя для точных работ, а в быту пользовались исключительно ракушечником. Его давно следовало зарядить на солнце, однако Тиль, отличавшийся особой «гномьей» прозорливостью, последнюю неделю страдал от дурных предчувствий и всем велел сидеть тихо, на поверхность не высываться. «Старатели рядом», – говорил он, ничего больше не объясняя. По этой же причине не трогали сломанные генераторы. Тиль со старшими гномами решили выждать месяц, а после выбраться на поверхность за запчастями. По мнению Тиля, Старатели могли специально пройтись щупом деактиватора по горам, чтобы посмотреть, не полезут ли из всех щелей рудокопы, оставшиеся без оборудования. «Старый трюк, – ворчал главарь, – не на тех напали, ждать мы

умеет».

Может, Тиль и умел ждать, но терпение к талантам Кая явно не относилось. Луч надежды, промелькнувший при мысли, что он может отправиться на поверхность за запчастями, гас также быстро, как и ракушечник в руках топающего впереди Никеля.

Прошла неделя с момента прорыва грунтовых вод в четвертом забое. В жизни Кая ничего не изменилось, если не считать, что работы стало больше. Вместо прежних обязанностей – уборка в жилых помещениях и помощь на кухне, теперь на его плечах повис десятый забой, где он колотил руду отбойным молотком с утра до обеда. После обеда Кай работал ослом, толкая вагонетку с углем по старым, ржавым рельсам к пятнадцатому складу. Маршрут проходил мимо новой дробильни, поэтому большую часть пути Кай ничего не слышал. Дробильня грохотала так, что ее треск, скрежет и гром стояли в ушах весь вечер. Вечером Кай помогал сапожнику Клеверу, который обрадовался новым рукам и быстро отрядил помощника на чистку обуви перед ремонтом. К концу первой недели такой работы едкое мыло, которое было единственным средством, способным размочить каменную грязь на подошвах, превратило кожу на руках Кая в лохмотья, прикрывающие вечно кровоточащие ранки. Лекарь Нут посоветовал ему присыпку из порошка плесени, но она не сильно-то помогала.

Тиль перестроил рудник на новый лад в рекордно быстрые сроки. Руду теперь промывали вручную в корытах, на дне которых осаждались тяжелые куски пустой породы. Вместо автоматических подъемных лебедок гномы настроили водяные колеса, которые поднимали клетки с рабочими и грузом. Ленточные конвейеры заменили на вагонетки и тачки, которые толкали вручную. Тиль обещал ослов, но соседняя каменоломня, которая должна была поставить животных, все медлила. Бесплезные пока кондиционеры закрыли до лучших времен, а вентиляционные трубы, оставшиеся от старой шахты, прочистили и расширили. Тиль также собирался оставить несколько вертикальных выработок специально для проветривания. Внутришахтный транспорт, водоотливные установки, мощные буровые машины, дробильные станки встали, превратившись в предметы пещерного интерьера, а их место заняли тачки, тележки, каменные молотки, цилиндрические песты, терочки, ручные отбойники, буравы, стальные кайлы и багры. Жизнь на руднике быстро вошла в привычную колею.

Однажды Кай подошел к Тилю и спросил, как уголь отправляется наверх, к людям.

– Мы продаем его соседнему руднику, – процедил гном неохотно. – Тот передает другому, а этот другой, в свою очередь, третьей семье – той, чья каменоломня ближе к земле лежит. Мы слишком глубоко сидим, напрямую поставлять уголь трудно. А ты почему спрашиваешь?

Кай промычал что-то неразборчивое, но опытного Тиля было не провести.

– Смотри у меня, – прошипел он, нависая над ним, словно кусок грунта, готовый сорваться. – Сиди тихо и даже не думай о побеге. Соломон сначала нам головы оторвет, а потом и до твоей башки доберется.

Итак, первые слова о побеге принадлежали Тилю. Каю оставалось их услышать и запомнить. Крепко запомнить. С тех пор у него появилась еще одна вредная привычка – следить за гномами. Жилые пещеры и шахта образовывали труднопроходимый лабиринт, бродить по которому в одиночестве было опасно. Кай умирать не хотел. Его небольшие вылазки или упирались в охрану, или заканчивались непреодолимыми препятствиями – сифонами, обрывами, тупиками, глубокими отвесами и колодцами.

Однако мысль разведать новые территории его не покинула, поэтому от самостоятельного исследования шахты он перешел к активной слежке. Кай обнаружил Никеля случайно, зайдя ночью на кухню попить воды. Гном его не заметил и продолжил неспешно собирать припасы в корзину, тускло освещаемую лампой. Никель был одет так, словно собирался к дальним забоям: полная экипировка, моток веревки, сумка с отбойными инструментами на плече, рюкзак со знакомым ярлыком «Сделано на Псиланте», сапоги, теплая куртка... Когда он взял в руки корзину с едой, любопытство Кая сверкало ярче ракушечника. Любопытство у гномов считалось болезнью и лечилось прижиганием пяток. Однажды Кай видел, как то ли лечили, то ли наказывали кого-то из дальних родственников Тиля, опустив несчастного в огромный чан, на дне которого тлели угли. Вопли страдальца потом долго звенели в ушах Кая, но урока он не извлек.

Следить за Никелем было несложно. Тот был глубоко погружен в собственные мысли и по сторонам не оглядывался. Как Кай и предполагал, гном отправился туда, где охраны не было, то есть в тупиковые, по мнению Кая, лабиринты. Сам Кай изучил их лишь наполовину, остановленный страхом и природными препятствиями.

Никель уверенно свернул в пустую выработку брошенного седьмого забоя и с тех пор держался все время вправо, в любом ответвлении выбирая крайне правую сторону. Около часа они петляли по тоннелям лабиринта, стены которого постепенно покрывались известняком. Капель воды стала чаще и звонче, а сухая пыль под ногами сменилась липкой глиняной грязью. Кай старался ступать тише, но ему все равно казалось, что чавканье его шагов раздается далеко впереди и позади него. Воздух стал влажным, духота усилилась. «Наверное, в этих местах еще не почистили старые вентиляционные шахты», – решил он, отирая пот со лба. Никель, который в отличие от Кая шел не с пустыми руками, основательно запыхался, но темп не сбавлял. Теперь было ясно, что гном торопился.

Чтобы не заснуть от монотонного спуска, Кай принялся гадать, куда приведет его Никель. Мысль о поверхности отпала, когда вместо того, чтобы подниматься, они стали спускаться ниже, все глубже проникая в сердце неизвестной горной системы, которая стала домом для семьи Тиля. Ответ пришел неожиданно.

«Гномихи!» – подумал Кай и крепко ухватился за эту идею. Все складывалось. Где-то же гномы должны были держать своих женщин, ведь слово «семья» предполагала не только мужчин. Где их матери, жены, сестры, дочери, наконец? Когда Кай полюбопытствовал на этот счет у Тиля, тот пообещал прижечь ему пятки. Теперь все становилось ясно. Скорее всего, гномих в пещерах было мало, поэтому каждая семья тщательно берегла и прятала своих женщин. Вероятно, они жили в каких-то дальних выработках, где воспитывали детей, а гномы по очереди их навещали. В сложившейся картине гномьей семьи чего-то не доставало, но Кай не мог понять, чего именно. В любом случае, идея его порадовала. Если ему не суждено в ближайшее время увидеть небо, то хоть на гномих полюбуется.

Спуск закончился огромной пещерой с небольшим озером, на дальнем берегу которого виднелся ряд штолен, уходящих в темноту. Заглядевшись на прозрачную воду, Кай едва не упустил Никеля, который принялся неловко перескакивать по камням, наваленным по левому берегу. Учитывая груз гнома, упражнение выходило акробатическим.

Дождавшись, когда Никель перейдет озеро, Кай приблизился к воде, раздираемый противоречиями. С одной стороны, нестерпимо хотелось окунуться в эту манящую прохладу и немедленно смыть угольную копоть с тела. С другой –

скорее последовать за Никелем и увидеть настоящих гномьих женщин.

Только сейчас он заметил, что от воды исходило слабое свечение, которое наполняло пещеру теплым мерцанием. Вглядевшись в водную гладь, Кай обнаружил, что озеро было неглубоким, и можно было увидеть ровные окатыши даже в центре водоема. «Эх, не поплавать», – разочарованно подумал он и уже собирался опустить в воду ногу, когда его остановила внезапная мысль. А почему Никель со всем своим грузом, как горный козел, прыгал по камням вместо того, чтобы пройти по воде? Боялся случайно помыться? Вряд ли его остановила глубина. В самом глубоком месте вода была гному по пояс.

Ответ подсказал жук, посланный, не иначе как, Калюстой. Кай не ожидал, что слова Тупэ о божественном покровителе так прочно застрянут у него в голове. Насекомое спикировало прямо на воду, привлеченное загадочным свечением. Кай не успел моргнуть, как лапы жука, а потом и вся тушка с шипением растворились, даже не поколебав озерной глади.

Вместо воды блюдце пещеры наполняла кислота.

Настроения смотреть на гномов уже не было, но и возвращаться назад одному не хотелось. Дождаться Никеля на берегу тоже было глупо. Если тот шел к женам, свидание могло растянуться до утра. Новая мысль заставила Кая покраснеть и собраться. А как это... у гномов происходит? Что если у него никогда в жизни больше не будет шанса посмотреть на гномью любовь? Слово «секс» всплыло из недр «дорожденных» сновидений, отдав сладким душком запретного и манящего.

Уже не колеблясь, Кай решительно направился к камням, по которым еще недавно скакал Никель. Только сейчас он оценил его опытность. Несмотря на то что ноги у него были длиннее, чем у гнома, прыгать оказалось непросто. Некоторые камни покрывал скользкий лишай, каким-то образом соседствующий со смертельной водой. И все же путешествие через озеро с кислотой оказалось настоящим приключением, тем самым, что случалось только с героями.

Новая мысль настигла Кая уже на берегу. «А если, – зашептал в голове Герой, – гномы держат женщин взаперти? Насильно!». В голове нарисовалась заманчивая картинка. Никель приводит его к тайному убежищу, где томятся прекрасные девушки, украденные из деревень. Гномы заставляют их работать также как

его, Кая. И рожать детей, соответственно. Кай врывается вслед за Никелем, связывает его, а сам уводит женщин темными коридорами, с трудом отбиваясь от их благодарности. А Калюста, восхищенный его храбрым поступком, непременно указывает им путь к поверхности. Что должно случиться после освобождения, Кай придумать не успел.

Тоннель, в котором исчез Никель, встретил его резким зловонием. Кай мало что знал о женщинах, но почему-то был уверен, что они не должны пахнуть кровью, мочой и потом.

Привыкнув к темноте, он понял, что попал не в очередной коридор, а в нишу. У ног зиял пустотой овал колодца, в который он чудом не свалился. Приглушенные голоса и волны смрада выплывали именно оттуда.

– Отвали, Третий, – раздался грубый голос Никеля. – Ты вчера ел. Где там новенький?

– Сдох он, – захрипели снизу, – лучше нам его кусок дай.

– Как же так? – возмутился гном. – Я его недавно здоровым видел. Ну, раз нет его, так я сам съем. Вы на жратву сегодня вообще не наработали.

– А самоцветы? – растерянно спросил голос. – Мы три корунда нашли!

– Помет летучей мыши вы нашли, – огрызнулся Никель. – Один камень со сколом, другой мутный, а третий что прыщ у меня на заднице. За него на рынке ничего не дадут, поэтому и от меня вы жратвы не получите.

Сгораемый от любопытства, Кай опустился на живот и осторожно сунул в колодец голову, стараясь различить в полумраке, с кем так сурово говорил Никель. Первым он увидел гнома. Тускло мерцающий ракушечник стоял у его ног, освещая корявую фигуру Никеля и открытые сумки, набитые снедью. В руках гном держал пачку лепешек, которые с нравоучениями бросал в темноту под собой. Поморгав, Кай понял, что колодец уходил глубже, а Никель стоял на узком выступе рядом с лестницей и разговаривал с темнотой, которая то угрожала добраться до него и разорвать на части, то умоляла кинуть еще лепешку.

Кай прищурился и едва не свалился к ногам гнома. Из мрака вдруг выросла грязная человеческая рука и попыталась схватить Никеля, стоящего на краю балкона. Гном ловко отскочил и разразился ругательствами. На пальцы, скребущие по камню, опустилась подошва его сапога, и рука исчезла.

– Сукины дети! – выругался Никель, и, подобрав лампу, наклонил ее в темноту. Она осветила груды камней, которая подступала к балкону, наподобие лестницы. И на этих камнях копошились чудовища – корявые, косматые, неуклюжие. Когда тусклый свет лампы выхватил из темноты белые лица, Кай понял, что гном кормил не монстров. Там, внизу, были люди: грязные, в лохмотьях, с болезненной кожей, похожие на гомозулей и крыс одновременно. Они ползали, пытаясь вскарабкаться на груды камней, ими же возведенной. Побег не удался. Когда Кай, наконец, понял, почему фигуры так странно передвигались, то затолкал кулак в рот по самые костяшки, – чтобы не закричать. У пленников не было ног. Люди заканчивались ниже пояса. Одни довольно ловко переваливались на кулаках, обмотанных тряпками, другие едва ползали. Было трудно понять, сколько таких полулюдей копошилось в яме. Казалось, сама темнота обрела форму.

Кай отпрянул и встретился глазами с Никелем, который в упор разглядывал его, свирепея с каждой секундой. В следующий миг гном пинком ноги отправил в яму короб, который принес с собой, и принялся карабкаться вверх по лестнице.

– Приду послезавтра! – крикнул он в темноту. – За шмутье можете не благодарить, но чтобы в следующий раз ящик был полон. А ты, засранец, стой, где стоишь, иначе Соломон получит от тебя только половину.

Последние слова предназначались Каю. Он замер, мечтая слиться с камнем за спиной, но в голову не приходило ни одной спасательной мысли. Впрочем, одна все-таки промелькнула. А что если закрыть крышку люка, оставив под ней и Никеля, и тех страшных безногих, которые теперь, наверняка, будут сниться ему до конца жизни. А потом вернуться в кровать и сделать вид, что никогда не был у кислотного озера и о страшном секрете гномов не знает. Наверное, если бы Кай был уверен, что безногие разорвут Никеля на части, то так бы и поступил. Но гномы были живучи, а Никель еще и крайне везуч; по крайней мере, в карты он Кая всегда обыгрывал. Поэтому Кай благоразумно присел на камень и принялся ждать гнома. Стоять он не мог. Колени предательски дрожали, ноги хотели бежать, а сердце трусливо стучало.

Первым делом Никель захлопнул крышку люка и с помощью ручной лебедки опустил на нее огромный валун. Оказалось, все это время камень висел над головой Кая, держась на потертой веревке. Разобравшись с «замком», Никель подошел к Каю и завис над ним, угрожающе уперев кулаки в бедра. Его грязное, мясистое лицо не обещало ничего хорошего.

– В молодости никто не замечает ценности жизни, – философски заметил гном. – Даже гомункулы. Тебе когда-нибудь отрывали ухо?

Кай сглотнул.

– Никель, я нечаянно, – попытался оправдаться он. – Заблудился, тебя увидел и пошел следом. Все собирался окликнуть, но как-то не получилось.

– Ухо отрывается очень легко, – продолжил Никель, не сводя глаз с Кая. – Нужно только знать, где надрезать кожу ногтем. Потом резко дернуть верх и чуть в сторону. Не думаю, что для гомункула это будет большая потеря.

Рука Никеля потянулась к его голове, и Кай подскочил, не зная, как поступить – убежать или затеять драку? Оба варианта были чреваты неприятностями. Несмотря на малый рост, гномы обладали невероятной физической силой, и Каю ни разу не удалось одолеть кого-нибудь из них в шуточных драках.

Он яростно задышал, испепеляя взглядом Никеля. Как бы там ни было, но рвать себе ухо он не позволит.

– В любом случае, – невозмутимо продолжил гном, – заниматься этим будет Тиль. Хотя, думаю, он просто прижжет тебе пятки. За любопытство.

– В любопытстве нет ничего плохого, – успокоившись, что немедленного наказания не последует, Кай осмелел. – Тупэ говорит, что это ценное качество и признак сильного интеллекта.

– Ха! – хохотнул Никель. – Ты его больше слушай. Ему-то самому пять раз пятки прижигали, вот он и старается других подставить.

Угроза явно миновала, и Кай попробовал подольститься к гному, слабо надеясь, что тот ничего не расскажет Тиллю.

– Давай я сумку понесу, ты, наверное, устал.

Никель смерил его взглядом, хмыкнул, но сумку отдал.

– Утром ты свое получишь, даже не надейся. А сейчас надо сваливать отсюда, пока гомозули не появились.

Гном с лампой двинулся первым, Кай с сумкой побрел следом. Упоминание гомозулей заставило его прибавить шагу и стараться не выходить из светового круга. Свет был единственной защитой от опасного пещерного монстра.

Миновав озеро, они вновь погрузились в лабиринт пустых выработок и естественных тоннелей. На этот раз шли быстрее: Никель не был нагружен поклажей, а Кая подхлестывал страх. И не только перед гомозулями. Таинственные пленники без ног прочно поселились в его сознании и теперь мерещились в каждой тени, бросаемой тусклым светом на мокрые известняковые стены. Фантазия рисовала мрачные картины, ни одна из которых не казалась убедительной.

Кай не выдержал первым.

– Они враги, да?

Никель угрюмо молчал, даже не замедлив шага.

– На вас напало соседнее племя, была жуткая сеча, мертвых сожгли, а раненых вылечили и заставили работать? – предложил Кай еще одну версию.

– Хочешь второе ухо потерять?

– Меня все равно накажут, Ник, – Кай заглянул гному через плечо. Это было не трудно. Он также легко мог плюнуть гному на макушку, как и посмотреть ему в глаза, немного наклонившись вперед.

– А ты храбрый! – добавил он. – Когда эти уроды из ямы полезли, я думал тебе конец. А ты не растерялся, хватанул их по пальцам, молодец. Будут знать, как на гномов руки поднимать!

Никель издал неопределенный звук. Сначала Кай решил, что тот подавился, но потом понял – гном смеялся.

– Интересно, все гомункулы идиоты, или ты такой случайно получился?

– Тупэ говорит, я исключительный, – Кай широко улыбнулся, чувствуя, что гном клюнул на уловку.

– Подравненные они, – беззлобно сказал Никель, видимо осознав, что от любопытного гомункула легко не отделаться.

– Как? – не понял Кай.

– Подравненные – это те, которых подравняли, – терпеливо повторил гном. – В основном, воры, но и враги семьи есть. Мы раньше ближе к поверхности жили, а Тиль не всегда хорошо с местными бандитами ладил. Вот и нажил врагов. Багровый Клан до сих пор золото за его голову обещает.

– Они пытались убить Тиля?

– Ага, – кивнул Никель и, достав лепешку из кармана, принялся жевать. – Или обокрасть. Запомни, парень, горных людей может обокрасть только тот, кто сам из нашего племени. Каким бы талантливым и удачливым вором ты ни был, но, если ты переросток, в горах тебе делать нечего. Это наша земля, и всех, кто нарушит ее границы, ждет наказание.

– А кто такие переростки? – спросил Кай и тут же прикусил язык. На висках выступил пот, а в горле пересохло. Интуиция подсказывала, что некоторые вопросы задавать не стоило.

– Спросил бы лучше про наказание, – довольно хмыкнул Никель. – Но так как ты у нас бестолочь, отвечу детально. Переростки – это все, кто выше головы нормального горного человека. Ты, вот, гомункул-переросток, а есть люди-

переростки. Они нас не трогают, мы их не трогаем. Если же с мозгами, у как тебя, плохо, то переростка подравнивают.

– Что значит «подравнивают»? – прохрипел Кай, с ужасом догадываясь о смысле слов гнома.

– Отрезают ноги, – ответил Никель и посмотрел в глаза Каю. Спокойно так посмотрел, с намеком.

– Всем, кто нарушил наши законы, мы отрезаем ноги. Так они становятся «нормального» роста. Если «подравненный» выживает, его судят и назначают срок, в течение которого он будет работать на семью. Как правило, это год. Колоть уголь мы их не ставим, толку от них там мало. На руднике есть несколько самоцветных жил, обычно рядом с ними ямы с подравненными и устраивают.

О том, сколько таких ям в шахте Тиля, Кай спрашивать не стал. Его интересовало другое.

– И много... выживают? То есть, я хотел спросить, кого-нибудь освобождали из подравненных?

– Ну, – Никель задумался. – На нашем руднике таких не было, но вот на каменоломне Швеца Семикрыла в прошлом году один счастливец свое отработал. Его даже к поселку провели, хотя обычно подравненных до выхода отводят, а дальше сам. Так-то. Нельзя переходить дорогу нашему брату. Мы за себя горой!

И Никель принялся с жаром рассказывать, чем горный человек лучше переростка. Кай молча шел рядом и слушал, как громко стучит сердце. Слишком громко. Он думал, что знал о гномах все. Они казались немного жадными, черствыми, властными, ни никогда – жестокими! Что же это получалось?

Кай незаметно сделал шаг в сторону, отодвигаясь от Никеля. Таинственный гомозуль, которого он никогда не видел, вдруг резко перестал быть самым опасным обитателем пещер. И прижигание пяток вопросы больше не вызывало. Если гномы рубили людям ноги за кражу, то почему они не могли жечь им пятки за любопытство? И почему Соломон решил вырастить гомункула именно в этих пещерах? Впрочем, сложнее был другой вопрос: почему Кай проснулся раньше

положенного срока и, тем самым, обрек себя на годы рабства у гномов? В то, что колдун Соломон явится за ним в ближайшее время, уже не верилось. Скорее всего, придется колоть уголь в шахте Тиля Голубоглазого весь срок. Когда он должен был проснуться? В двадцать, тридцать лет? А ведь можно было спокойно проспать эти годы!

«Ты, как капля воды, стекающая по стене, – подумал Кай, мрачно шагая за Никелем. – Начнешь с большей высоты – и тебя размажет по камню прежде, чем ты доберешься до низа. Упадешь с меньшей и станешь лужей при условии, что тебе повезет встретить таких же. Мне здесь не место. Нужно выбираться».

Широкая спина Никеля с размахом врезалась ему в грудь. Гном развернулся и без объяснений вдавил кулак Каю в живот. Пока тот пытался втолкнуть в себя воздух, отгоняя плохую мысль садануть в ответ, Никель толкнул его к стене, за отвалившийся камень, и сам нырнул следом.

– Дурень, смотри, куда прешь! – зашипел гном, кивая в темноту. – Я бы тебя, конечно, с удовольствием гомозулю скормил, но Тиль меня точно заставит босиком по углям гулять, если Соломон явится, а от тебя даже костей не будет.

– А что там? – шепотом спросил Кай, но, получив затрещину, заткнулся.

– Гнездо, разве не видишь? – зашипел Никель. – Матка и с ней трое детенышей.

Кай вытянул шею и вгляделся во мрак, но со зрением гномов соперничать было трудно. Темнота как темнота. Приметных звуков или запахов тоже не раздавалось. Никель стянул с себя плащ и плотно замотал в него лампу, отчего пещера превратилась в необъятную пропасть. Стены исчезли, пол и потолок тоже. Кай крепко ухватил Никеля за рукав, преодолев злость и брезгливость. Выживание в списке его краткосрочных целей стояло на первом месте, а остальные чувства могли подождать.

– Туда! – кивнул гном, указывая в точку, которая ничем от других точек непроницаемого мрака не отличалась. – Там есть проход в заброшенную штольню. Я в ней уже лет пять не был, но сквозь нее можно выйти к третьему забою. Если, конечно, обвалов не случилось. Держись за рукав, пойдем без света.

Кай ухватился за твердый от засохшей грязи рукав гномьей куртки и, согнувшись, как старый гриб, побрел за Никелем. Это было странное ощущение. Все, что он мог почувствовать более-менее реально – лишь камни под ногами. Они были то гладкие и ровные, покрытые влажной испариной, то острые и колючие, похожие на крючки, которые кто-то расставил специально, чтобы Кай цеплялся за них ногами. Было влажно и душно. Он не мог отделаться от ощущения, что матка гомозуля ползет за ним следом, и это вовсе не сквозняк шевелил его волосы, а зловонное дыхание зверя, собирающегося откусить ему голову. Когда напряженную тишину сменила привычная капель, Кай позволил себе выдохнуть. Никель тоже немного расслабился и замедлил шаг.

– Мы в штольне? – шепотом спросил Кай, и с размаху врезался в нависший кусок стены.

– Здесь пригнуться надо, – ласково посоветовал Никель. – Шахта не для переростков строилась. Коридор низковат, тебе удобнее будет на коленках ползти.

– Колени мне еще пригодятся, – буркнул Кай, ощупывая острые камни под ногами. Они были навалены неровными кучами, ничем не напоминая пол в штольне. Похоже, без обвала не обошлось.

– Может, лампу зажжем? – без особой надежды предложил он, потирая рассеченный лоб. – Кажется, твой проход засыпало.

Никель, видимо, и сам собирался открыть ракушечник, но природное упрямство заставило его встать в привычную оппозицию.

– Не мои проблемы, что ты до сих пор видеть не научился, – буркнул он, и, сбросив руку Кая со своего плеча, пошел вперед, впрочем, громко загребая камни ногами. Не иначе как опасался, что ценный гомункул заблудится.

На этот раз гордость кричала громче, и Кай не стал окликать гнома. «Посмотрим, как он будет Тилю объяснять, куда я делся», – мрачно думал он, однако старался не отставать, прислушиваясь к тому, как Никель пробирается по камням. Ему все-таки пришлось опуститься на четвереньки и эдаким крабом ползти следом: проход стал совсем низким.

«И зачем я вообще сюда пошел? – досадливая мысль жгла глубоко и больно. – Гномих не увидел, зато прижигание пяток заработал. А может, затеряться здесь, и пусть гномы сами с Соломоном объясняются?».

Но перспектива встретить в темноте матку гомозуля заставила его прибавить шаг. По сравнению с подземным монстром раскаленные угли казались не такими уж и страшными.

Заторопившись, Кай не успел поднять ногу выше и, запнувшись носком сапога о камень, растянулся во весь рост, ощутив телом все сколы и неровности пола.

– Калюста! – досадливо протянул он, выплевывая кровь. Имя бога как нельзя кстати подошло для подобных для ругательств. Похоже, он порвал губу, что до локтей и коленей, то о них даже думать не хотелось. Каю казалось, что он разбился, как фарфоровая кукла, брошенная на пол. Сейчас от него начнут отваливаться куски, и никто не приклеит их обратно. Соломон-то далеко.

– Не упоминай его здесь! – выругался Никель. – Что там у тебя?

– Ничего, – сквозь зубы прошипел Кай, убежденный, что ему нужно остаться в этой штольне и позволить себе сдохнуть. Мучений будет гораздо меньше. А что? Никакого отбойного молотка, грязных сапог и угля. А главное – никаких пыток с прижиганием пяток. Придет гомозуль, и все закончится быстро.

– А что тебе в Калюсте не нравится? – спросил Кай, желая позлить гнома. – По мне, так он ничем не хуже Святой Варвары. К тому же Калюста, вроде как, мужского пола, и в пещеры вписывается лучше, чем баба какая-то.

– Тсс, – зашипел гном. – Не хватало еще самодела на наши головы.

– Я про самодела знаю, – довольно сообщил Кай, поднимаясь с колен и пытаясь оценить полученный телом ущерб. – Это опасный грибок, который живет внутри планеты и иногда появляется в разрывах и в глубоких пещерах. Например, в нижних забоях шахт. Вот если бы ты верил в Калюсту, то не боялся бы всякой там Хищиды. Наверное, она здесь с гомозулем всю соседствует. Лучшие друзья. Я вот в Калюсту тоже не верю, поэтому велика вероятность, что самодел по имени Хищиды нам встретится. И Калюста не поможет.

– И когда ты успел дурака этого, Тупэ, послушаться, – проворчал Никель, гремя в темноте камнями. – Сплюнь. Между прочим, дед мой, а он триста лет прожил, рассказывал, что в древности самодела называли не Хищидой, а Калюстой. Так-то. Не было никакого доброго бога. Это калюстианцы в угоду Корпусу сказки рассказывают. Как только Старатели появились и объявили Хищиду врагом человеческим, так и церковники сразу сориентировались. Быстренько своего бога переименовали.

– Ересь какая-то, – заметил Кай, решив обязательно расспросить Тупэ о другом имени самодела. Еще в тот момент, когда гном впервые рассказывал ему о грибке, Каю нестерпимо захотелось увидеть Хищиду. Как он ни старался убедить себя в опасности, но перенести на самодела те чувства, которые он испытывал, например, к гомозулю, не получалось. Гомозуль был страшным уже по рассказам гномов, и никакого желания встретиться с ним не возникало. Однако самодел, по словам Тупэ, представлялся весьма загадочным явлением. А тут еще Никель добавил интригу.

– Эх, – вздохнул Кай. – Хотя бы глазком тебя увидеть. Какой ты? Мы вроде как в самом нижнем забое, глубоко в пещерах, все сходится. Может, появишься? Только глянем на тебя и разойдемся. Мы по своим делам, а ты – по своим.

Наверное, он бы удивился меньше, если бы Никель вдруг предложил показать ему путь наружу, да еще бы и пообещал проводить до Корсиона. Едва Кай закончил говорить, как камни под ногами стали светлее. Приглядевшись, он понял, что светятся не булыжники, а пространство между ними. Еще через секунду стало видно его сапоги, так как камни неожиданно утонули в светящейся массе, которая просочилась сквозь них и нерешительно замерла у ног пораженного Кая.

Нечто слабо мерцало и напоминало густой кисель, который гномы варили по выходным. Сначала оно показалось светло-розовым, но в другой момент уже поменяло окраску на нежно-зеленый, а потом также быстро перелилось в фиолетовый. Неизменными в «киселе» оставались только крошечные звезды, хаотично разбросанные по всей массе, да вкрапления светящихся голубых капель, которые сразу привлекали внимание. Они постоянно меняли форму, превращаясь в затейливые фигуры, а иногда сливались друг с другом. Звезды в массе походили на светлый кристалл, который иногда усеивал шахты после резкой смены температуры, но Кай догадывался, что они были другой природы.

Несмотря на недолгий срок жизни, глупым Кай не был и сразу понял, что эта за разноцветная лужа со звездами плескалась у его ног. То был самодел, страшная Хищида, и явилась она, похоже, по его зову.

Повинуясь незнакомому инстинкту, Кай прошептал:

– Спрячься!

Масса заколыхалась, словно густой кисель, и исчезла за камнями.

– Вернись!

Самодел с радостью выплыл обратно, заполнив собой пространство у ног Кая. Из массы вытянулись толстые нити, которые, поднявшись в воздух, укрепились, став похожими на щупальца. Кай наклонился и шлепнул по одной ладонью, отчего самодел позеленел, а потом покрылся золотыми прожилками. Получилось красиво.

– Спрячься! – снова прошептал Кай, входя во вкус.

Хищида послушно уползла за камни.

– Появись!

Кусочек мира вокруг него засверкал радужными красками, а самодел погладил его по сапогу лиловым щупом и покрылся алыми искрами. Голубые вкрапления внутри него постоянно шевелились, завораживая причудливым танцем.

Это было здорово. Из дорожденных снов Кай знал о собаках и домашних животных, которые живут с людьми и радуют их своим присутствием в человеческой жизни. Самодел вел себя точь-в-точь, как пес, который встретил друга после разлуки. Что бы там ни рассказывали Тупэ с Никелем о самоделе, но кое в чем они ошибались. Опасности не было. Опустив руку в Хищиду, Кай ощутил приятное тепло и короткое дружеское сдавливание, словно самодел с ним здоровался. Рука не отвалилась, не покрылась сыпью и не исчезла. Пальцы слегка покалывало и щекотало, но это было хорошее чувство – словно перышком по коже водили. «Я твой друг, – говорил самодел. – Я – лучшее, что с тобой было

и будет».

Прислушавшись к себе, Кай понял, что ему совсем не хотелось топиться в Хициде, как это делали зараженные люди в рассказах Тупэ.

Он свободно вынул из самодела руку и внимательно рассмотрел пальцы. Масса Хициды аккуратно слезла с них, не оставив ни следа. Правда, местами она забрала с собой грязь, и Кай с изумлением уставился на нежную розовую кожу, появившуюся в том месте, где еще утром была кровоточащая ранка. Удивившись, он не стал долго думать, и тут же опустил в самодела обе ладони.

– Так как же тебя зовут на самом деле? – прошептал он, изумленно рассматривая руки через пару секунд. Грязи заметно поубавилось, а саднящих царапин и воспаленных ранок – как ни бывало.

– Я Калюста! – отчетливо донеслось из сверкающей массы.

От неожиданности Кай резко выпрямился, забыв о том, какие низкие потолки были в штольне. На звук его болезненного вскрика отреагировал Никель, который все еще пытался найти сквозной проход где-то в темноте.

– Эй, гомункул, ты в порядке?

Проигнорировав обидное прозвище, Кай прокряхтел, потирая голову:

– Топай сюда, горный человек, тут такое!

Гном неохотно направился к нему. Похоже, сквозной дороги все равно не было, и им придется возвращаться к гомозулю. Но сейчас пещерный монстр волновал Кая в последнюю очередь.

– Смотри! – гордо произнес он, указывая на массу у своих ног. – Похоже, его точно зовут Калюста. Это ведь самодел, верно? Не понимаю, почему его боятся. По-моему, он очень мирный.

Секунды две Никель стоял истуканом, в ужасе разглядывая цветную массу между камней. А потом зажал себе рот грязными ладонями и шархнул назад,

прилипнув к стене.

– Отойди немедленно, идиот! – прошипел он. – Правильно говорят, что Соломон тебе мозгов не доложил. Уходим! Надеюсь, ты эту дрянь не трогал? Не хватало еще, чтобы колдун нам претензии предъявил, что мы тебя тут Хищидой заразили. Чего стоишь?

Каю не понравилось, как гном с ним разговаривал, но увидев, что у Никеля трясется подбородок – то ли от злости, то ли от страха, не стал спорить. Гном уже всю подталкивал его к выходу.

– А как же гомозуль? – ехидно спросил Кай, но Никель толкнул его в спину, велел пошевеливаться. Между тем, сияющая масса постепенно выползала из камней по всей пещере, заполняя ее приятным светом – то розовым, то голубым, то лиловым.

«Красота какая!» – подумал Кай, с восхищением разглядывая блики на стенах. Бежавший впереди Никель вдруг закричал и принялся метаться по сторонам.

– Где это проклятый вход? Здесь же он был! О, Святая Варвара, прости меня за грехи и спаси от страшной смерти! Нам не выбраться, мы погибнем!

Кай увидел темноту лаза первым, так как самодел уже дополз до входа и любезно подсветил его светло-розовым. Полюбовавшись бликами и послушав вопли Никеля, который метался, стараясь отыскать лаз в глухой стене, Кай опустился на колени и прошептал, почти касаясь губами сверкающей плоти.

– Послушай, Калюста, спасибо, что показал нам выход, но не мог бы ты спрятаться? А то мой товарищ сильно тебя боится и своими воплями точно соберет всех гомозулей.

Самодел ласково коснулся его щеки и принялся утекать обратно в камни, возвращая пещере привычную темноту.

– Пронесло! – в голосе Никеля звучало неподдельное облегчение. – А вот и лаз. Странно, я ведь его раньше здесь искал. Парень, где ты там? Первый пойдешь.

– Хочешь, чтобы меня гомозуль сожрал? – недовольно огрызнулся Кай. После исчезновения самодела Калюсты, в душе на миг воцарилась пустота, которая постепенно заполнялась новыми проблемами. Ему не хотелось уходить из пещеры, а когда гном тычками и пинками все-таки заставил его нырнуть в лаз первым, у Кая было такое чувство, словно он отрезал от себя кусок плоти, оставив ее в забытой штольне.

Странно, но на обратной дороге гомозуль им не встретился. Может, его и не было вообще, а Никелю показалось? Как бы там ни было, но Кай был рад, что они забрели в пятую штольню. Без встречи с самоделом тяжесть знания о подравненных в яме была бы невыносимой.

В ту ночь Каю снились безногие, ползающие по разноцветной массе Калюсты. Только в отличие от настоящих подравненных, эти люди не выглядели несчастными. И самодела они тоже не боялись. Наоборот, безногие с удовольствием ныряли в него, погружаясь с головой и смешно отфыркиваясь. А когда первый подравненный вышел на поверхность, брызгаясь липкими каплями, он был выше Кая на целую голову. Вместо культей в камни упирались две сильные, здоровые ноги, покрытые розовой кожей новорожденного.

Кай улыбнулся. После трех месяцев кошмаров ему наконец-то приснился хороший сон.

В гномьем сортире было прохладно, темно и сыро. Кай занял крайнюю кабинку, прислонившись спиной к одной стене и уперев ноги в другую. Тупэ восседал в соседнем «кабинете», злой на мир и сородичей настолько, что от гнева не мог даже разговаривать. Еще утром он насмеялся над Каем, обещая повеселиться на его «прижигании пяток», которое должно было пройти вечером, но в обед после утренней смены гном забыл убрать на место отбойник с инструментами, а Клевер, возвращавшийся с забоя, споткнулся, упал и сломал руку. И хотя в случившемся были виноваты, как минимум, еще два гнома – сам Клевер, который был вдрызг пьян, и Фосфор, который забыл оставить ракушечник в тоннеле тем, кто будет идти с ночной смены, наказать решили одного Тупэ.

По обычаям горных людей те, кто были приговорены к «прижиганию», последние несколько часов ожидали в сортире. По сути, это было единственное место в шахте, где можно было уединиться, осмыслить содеянное и раскаяться. Возможно, в прошлом тот, кто устанавливал правило, так и думал, но сейчас традиция казалась нелепой. Впрочем, Кай не жаловался. Сидеть на толчке было

лучше, чем орудовать киркой или драить сапоги для Клевера, который, оставшись с одной рукой, наверняка, взвалил бы на него всю работу.

К тому же в сортире гномов было чисто и хорошо пахло – компотом и вареными ягодами. Первый раз посетив заведение, Кай приятно удивился. От суровых обитателей рудника было трудно ожидать чистоплотности в столь подходящем для грязи месте.

В чистоте нужника оказалась «виноватой» Святая Варвара. Считалось, что дева-покровительница ненавидит запахи нечистот, поэтому чистка сортира поручалась только самым ответственным гномам, что радовало Кая – к числу ответственных он явно не относился. Что касалось запаха ягод, то эту тайну ему раскрыл Тупэ. Приятный аромат вырабатывал особый вид плесени, которая питалась нечистотами и обитала в канализационных стоках. В каждой гномьей семье был ответственный за «сортирную» плесень, который следил, чтобы она не выползала за положенные границы.

Однако после поломки генератора уборная перестала быть уютным местом. Ламп из ракушечника не хватало, и для сортира их не полагалось. Единственную свечу постоянно задувал гуляющий сквозняк, и ее тусклого света было недостаточно для освещения такого большого помещения, как уборная, где могли одновременно разместиться два десятка гномов.

Свой первый час уединения Кай провел не зря. Вообще-то он все решил еще там, в пятой штольне, но настоящая мысль о побеге появилась у него здесь – в сортире. Ему стоило давно задать себе вопрос, что его удерживало в руднике. Ответ был прост – страх. Страх перед кулаками Тиля, колдуном Соломоном и всем тем огромным миром, который он видел в дорожных снах. Но, как ни странно, страх пройтись босыми пятками по раскаленным углям, оказался сильнее, толкнув на то, что должно было случиться сразу после его пробуждения. Кай не считал себя трусом и не боялся боли. Из дорожных снов он помнил, что некоторые люди умели ходить по горячим поверхностям, не причиняя себе вреда. Как они это делали, он не знал, но важно было другое. После его встречи с подравненными гномами перестали быть просто гномами, забавными трудягами, помешавшимися на угле. Они были палачами, судившими чужую жизнь слишком строго и слишком легко. Сейчас они казались ему страшнее гомозуля, и он не хотел иметь ничего общего с несправедливостью, которую увидел в яме с подравненными.

Он сбежит, когда его поведут в столовую, где должна пройти экзекуция. Набросится на охрану и будет драться безумно и страшно. А потом прорвется к восьмой штольне, откуда начиналась дорога к старым забоям и спрячется среди заброшенных выработок, по слухам, уже наполненных самоделом. Причинит ему грибок вред или нет, он выяснит уже на месте, зато гномы за ним точно не пойдут. Их страх перед самоделом был Каю не понятен, но это было меньшее из того, что он не понимал в их гномьей жизни.

Что там Тупэ говорил о Калюсте? «Спроси совета, что делать, когда на душе или в жизни совсем плохо». Что делать-то Кай знал, а вот, как – тут без божьей помощи было не обойтись.

«Ладно, Калюста, – подумал он. – Если ты такой хороший парень, каким тебя считает Тупэ, то, как мне выбраться из этой угольной ямы, чтобы там, наверху, сказать тебе спасибо?».

Наверное, так с богом разговаривать не полагалось, однако Кай на ответ и не надеялся. Спросил, не думая. Калюста, конечно, не ответил, но в следующую секунду в голове появилась новая мысль, которая сначала показалась не очень удачной. Но чем дольше она жила, тем больше представлялась логичной и единственно правильной. Зачем ждать, когда за ним придут? На самом деле Кай мог сбежать хоть на второй день после пробуждения, ведь рудник был пронизан вентиляционными шахтами и другими техническими лазами, словно живой организм кровеносными сосудами. Из затопленного забоя они с Тупэ выбрались именно по такому коридору. Не иначе как судьба – или Калюста – уже тогда подсказывали ему выход.

Кай выглянул из кабинки и внимательно изучил темнеющий квадрат вентиляционной решетки под потолком. Вероятно, строители шахты посчитали, что для сортира много воздуха не требовалось, и сделали отверстие настолько маленьким, что в него с трудом бы влезла человеческая рука.

Если не получается сверху, надо попробовать снизу, прошептал голос в голове, и Кай недоуменно посмотрел на толчок. Впрочем, колебался он только первые несколько секунд. В отличие от вентиляции отверстие для нечистот было достаточно широким, чтобы в него пролез бы весь Кай. Подняв сидение, он наклонился и сморщился от сладко-приторного запаха, который выделяла плесень, поедающая отходы. В яме было темно, но ему показалось, что по стенкам ветвились отростки, похожие на щупальца. Жаль, что раньше он не

интересовался тем, насколько эта плесень опасна. И куда ведут канализационные стоки.

Без проводника в этот лабиринт лучше не соваться, подсказал голос, и Кай с ним согласился. Легкий звон, заполнявший голову весь вечер, давно превратился в четкие ритмы марша, не оставляющего места сомнениям. Нужно действовать прямо сейчас.

– Тупэ, – вкрадчиво позвал он, подходя к кабинке гнома. – Ты не спишь?

Горный человек ответил молчанием, но Кай был уверен, что тот его слышал. Он бы удивился, если бы гном умудрился заснуть перед прижиганием. Процедура, вроде как, не смертельная, но болезненная, неприятная, а главное – обидная.

Огарок свечи подсказывал, что времени у него оставалось мало. А значит, он должен был звучать очень убедительно, чтобы заставить гнома согласиться на рискованный план за минуты.

Если человек должен проникнуться твоей идеей, начни с того, с чем он не может не согласиться, снова подсказал голос в голове Кая. Потом используй сильные аргументы и грубую лесть.

– Мне кажется, Тиль тебя не ценит, – уверенно начал Кай. – Он хоть и говорит, что у него в семье все равны, но, на самом деле, уважает только родню по крови. А тех, кто был принят в семью по клятве, как ты, например, использует как рабочую силу. Да и вся эта процедура братания какая-то неискренняя. Вот если бы по-честному было, тогда без вопросов. Помнишь, на прошлой неделе в четвертом складе крепи обвалились, и половину помещения грунтом занесло? Все знали, что это по вине Фосфора случилось, который вместо того, чтобы подпорки по плану менять, в карты с Хлором все дежурство проиграл. А теперь вспомним, кого заставили землю таскать. Тебя! Фосфору даже пятки не прижгли, пожурили немного и отпустили. И все потому, что он двоюродный брат Тиля. А помнишь, как Свинец забыл капканы в кладовой заправить, и крысы мешки с мукой погрызли? Ты тогда был лишь дежурным по коридору, однако Свинец, не задумываясь, заявил, что, мол, это Тупэ вовремя не услышал возню грызунов. И Тиль поверил ему, а не тебе, потому что Свинец – его племянник. Где справедливость? Помнится, тебя тогда ужина лишили. Я уже и не говорю о Клевере, который сломал руку по своей вине, а ты почему-то должен вместо

него по раскаленным углям ходить. Нет справедливости в семье Тиля Голубоглазого, нет!

Кай сам удивился, что вспомнил все эти мелочи, но, похоже, память его не подвела, и он ничего не перепутал. Дверца кабинки открылась, явив его взору мрачного Тупэ, восседавшего на толке с видом оскорбленного. Настрой у жертвы был правильный, и Кай продолжил вспоминать «несправедливости». Память у него оказалась просто феноменальной.

– Я уже не говорю о том, что тебя отправили перетаскивать буровую только потому, что поломка генератора случилась на твое дежурство. А ты ведь мог погибнуть! Я вот, что скажу. Скорее всего, Тиль догадывался, что вода могла прорваться в штольню, поэтому послал тебя, а не Никеля, который за этот участок отвечал.

– Да, – возмущенно согласился гном. – Все верно!

– Но мы не погибли! – Кай от души грохнул кулаком по косяку. – Выплыли, вылезли и будем жить дальше всем назло. Я и ты! А знаешь почему? Потому что с нами Калюста. Да, я тоже теперь верю в Единого. Твои слова о боге крепко меня зацепили. Я, конечно, сомневался, но чувствовал, что твой путь – путь калюстианца – единственно верный. А потом, когда я случайно заплутал в заброшенной штольне и думал, что до конца жизни буду блуждать по проклятым тоннелям, то вспомнил твой совет. Помнишь, ты говорил, что Калюста отвечает на зов тех, кто зашел в тупик? Мне нечего было терять, и я ему помолился – искренне, от души, всем сердцем веря в каждое слово. И о чудо – Калюста ответил! Он не только показал мне выход из лабиринта, но еще и сказал, что я должен идти дальше, наверх, к солнцу! А еще он добавил, что я должен идти туда не один, а с тем, кто не променял его на святую деву даже в самые трудные дни своей жизни. Бог говорил о тебе, Тупэ!

– Про меня сказал? – от удивления гном даже привстал с сидения, и Кай понял, что настал самый важный момент. Главное – не переиграть.

– Имени твоего он не называл, но описал тебя так, словно ты рядом стоял. Красивые курчавые волосы, мужественный подбородок, волевые складки на лбу, умный взгляд, крепкое, здоровое тело...

«С лестью осторожно, – подсказал голос. – Тупэ не дурак. Давай конкретику».

– А главное, назвал твою особую приметку, – сразу поправился Кай. – Шрам в виде кольца на большом пальце правой руки. Этот человек – мой избранный, сказал Калюста. Я, мол, его специально тогда пометил.

Тупэ заворожено уставился на палец, который когда-то обжог, неловко схватившись за дужку раскаленного ковша.

– Вот, значит, зачем все это было, – протянул он. – А ведь надо мной тогда вся кухня смеялась.

– Калюста тебя испытывал, – вставил Кай. – И, судя по всему, ты его испытание прошел. А мне вот еще только предстоит заслужить его доверие. Я даже тебе завидую немного.

«А теперь давай главную идею, только говори быстро и уверенно», – подсказал внутренний голос и звучал он довольно. Все шло по плану.

– Тупэ, – Кай присел на край раковины, чтобы оказаться на одном уровне с глазами гнома. – Ты не должен сгнуться в этой шахте. Возможно, тебе кажется, что горное дело – это смысл твоей жизни, но подумай хорошо, зачем ты здесь на самом деле?

Тупэ озадаченно наморщил лоб, и Кай поспешил ему на помощь.

– Ты был здесь потому, что тебя послал Калюста. Это было испытание на храбрость, мужество и выносливость. Ты не только не потерял веру в Единого, но и укрепил ее, став избранным. Я хочу быть на тебя похожим, Тупэ. Но Калюста сказал мне, что мое испытание будет проходить не здесь, а наверху, в суровом мире Риппетры. А теперь скажи мне – ты по-прежнему считаешь, что твой путь лежит под землей? Ведь если испытание закончено, возможно, Калюста ждет от тебя следующего шага.

– Мне не место здесь, – пробормотал Тупэ, и Кай едва сдержал возглас радости.

– Да, – кивнул он. – Нам здесь не место. Я хочу стать таким же калюстианцем, как и ты, Тупэ. И я почту за честь идти рядом с тобой, смотреть на твои поступки и повторять их.

– Я знал, что надо уходить, – уверенней произнес Тупэ. – Всегда хотел посмотреть, как там переростки под солнцем живут.

– И не только посмотреть, – вкрадчиво произнес Кай, повторяя вслед за голосом в своей голове. – Ты должен попробовать все стороны жизни, чтобы понять, какая твоя. Ждать нельзя. Надо действовать прямо сейчас.

Тупэ встрепенулся и растерянно посмотрел по сторонам. На миг Кай испугался, что все пропало, и гном передумал, но нет, горный человек решительно встал и заявил:

– Когда за нами придут, будем драться. От нас такого не ожидают, прорвемся. А дальше попытаемся удрать по складам, – потом он сник. – Эх, ничего не выйдет... Вход в шахту охраняют человек шесть, а дальше ворота на замке с кодом. Там сканер стоит, по сетчатке глаза Тиля открывается. Вряд ли у нас получится Голубоглазому башку отрубить. Но ты прав – допек он меня, давно уходить надо было. В большой город подамся, работать умею, без хлеба не останусь. С тобой все сложнее. Ты ведь гомункул Соломона, а колдун тебя, где угодно достанет.

– Мне Калюста поможет, – уверенно заявил Кай. – И у меня есть план получше твоего. Только сразу не отказывайся. Не нужно ни с кем драться. Калюста вообще против насилия. Выход здесь – за твоей спиной.

Тупэ оглянулся и недоуменно уставился на стену.

– Ниже.

До гнома, наконец, дошло, так как он активно затряс головой.

– В сральник? – возмутился он. – Ты что, спятил?

– Прежде всего, ответь, куда ведут канализационные стоки, – деловито спросил Кай, поднося свечу к отверстию, на котором раньше восседал Тупэ. При виде осклизлых наростов плесени на стенках его решимость стала испаряться, но он быстро взял себя в руки.

– Это канализация старая, как и вентиляционная система, – пробубнил Тупэ, заглядывая вслед за ним в яму. – Тиль ведь не первый владелец шахты, до него здесь Желтозубы сидели, а до них – Крысоеды. По слухам, наша канализация со сральником соседнего рудника соединяется, а тот – еще с одной системой и так по всей горе.

– Ты сейчас сам ответил на все вопросы, – заявил Кай, усаживаясь на край отверстия и брезгливо опуская в него ноги. Крышку, которая уменьшала дыру до размеров гномьей задницы, он оторвал. – Если мы и прорвемся к выходу из шахты, следуя твоему плану, то никогда не откроем ту дверь. Для этого нам придется отрезать Тилю голову, а убийцами мы стать не должны, иначе Калюста нас проклянет. Канализация – наш единственный шанс. Наверняка Калюста подстроил эту ситуацию нарочно. Для меня – это первая серьезная проверка моей веры, а для тебя – главное испытание после всего, что ты пережил в шахте. Неужели какое-то дерьмо тебя остановит? Черт возьми, я думал, ты сильнее.

Тупэ мрачно засопел и подошел ближе, опасливо втягивая воздух носом. Пока из отверстия пахло приятно, так как, видимо, сортир давно не чистили, и плесень успела подползти совсем близко. Как должно было вонять там, внизу, Кай представить не мог. Видимо, Тупэ останавливали подобные же мысли.

– Давай, Тупэ, – подбодрил он гнома, хотя знал, что говорил это для себя. – Все великие дела начинаются с первого шага. И вряд ли мы пойдем по ковровой дорожке. Я слышал, есть такая поговорка: чтобы подняться, надо упасть. Так вот нам с тобой даже усилий никаких делать не нужно. Стоит просто отпустить руки и провалиться в эту дыру. Калюста все сделал за нас, и мы не должны оскорблять его своим недоверием. Бог ничего не делает напрасно. Я прыгаю, ты за мной?

– Да, – прохрипел гном, забираясь рядом. – Надо бы веревкой, что ли, обвязаться. Чтобы потоком не разнесло.

Это была первая практичная мысль, появившаяся в уборной за последние полчаса. Любой горец носил с собой моток крепкой веревки, поэтому скоро Тупэ стоял за плечами Кая, привязанный к его поясу.

– Ну что, прыгаем? – в последнюю секунду голос Кая сорвался, но Тупэ, похоже, уже ничего не замечал. Гном глядел в черноту под их ногами и часто дышал, готовясь к акробатическому трюку. Кай до сих пор не верил, что горец так легко согласился. Впрочем, сейчас он уже ни во что не верил – разве что в их скорую смерть. Там, внизу, могло быть все, что угодно – от пропасти, на дне которой они разобьются, до заполненной дерьмом ямы, где они захлебнутся. Третьим вариантом – их спасением – была канализационная шахта, по которой веками неслись грязные воды рудника, выливаясь в подземную речку, а из нее – под солнце, в водоем наверху. Мысль о солнце придавала сил, но страх – противный, липкий, унижительный – заставлял сидеть без движения. Если бы кто дал ему пинка, Кай был бы только рад.

– Хоть бы Калюста знак какой послал, – тоскливо произнес гном, и в эту секунду в глубине отверстия сверкнуло. Яркая мимолетная вспышка могла быть случайно искрой в уставших от темноты глазах, но они переглянулись и разом спросили:

– Ты видел?

Одинаковой галлюцинации у двоих быть не могло, а значит, Калюста был с ними. Глубоко вздохнув и взмолившись Единому о том, чтобы падать пришлось не слишком высоко, Кай отпустил руки.

Пока он летел по скользкой трубе стока, перед глазами промелькнула вся его трехмесячная жизнь. Кай вспомнил, как проснулся в темной пещере, в крови и слизи, как гномы назвали его имя, оставленное колдуном Соломоном, как долго и бессмысленно тянулись дни за тяжелой работой в шахте, как смеялись над ним горцы, называя гомункулом, и как отчаянно он пытался вспомнить хоть что-нибудь, связывающее его с другим миром. С ним были только дорожденные сны, из которых он помнил, что сразу взрослых людей не бывает. У каждого человека есть детство – счастливое или трудное, но без этого периода в жизни людьми не становятся. Где было оно, его детство? Кай не верил, что появился на свет сразу «готовым», как называл его Тупэ, также как не верил он и в то, что горные люди были настоящими гномами из сказок, которые в его снах чужие матери рассказывали чужим детям. И в гомункулов с колдунами он тоже не верил – мифы с реальной жизнью ничего общего не имели.

Тем не менее, странностей в его появлении на свет хватало и помимо отсутствия памяти. Тиль клялся, что пещера, которую колдун арендовал у них на тридцать лет, была пустой и других выходов кроме того, что Соломон завалил огромным камнем, не имела. Колдун заплатил золотом и ушел, пообещав вернуться через тридцать лет и пригрозив проклятием любому, кто тронет камень. Тиль рассказывал, что года через три они крепко выпили и решили поглядеть, что колдун спрятал в пещере. Но то ли Соломон подозревал, что проклятиями гномов не остановишь, то ли, действительно, был хорошим колдуном, но камень не смогли сдвинуть даже автоматической лебедкой, которая в те времена еще работала. А через шестнадцать лет глыба раскололась сама по себе. Тогда в шахте случилось сильное землетрясение, и все нижние этажи затопило самоделом, который, постепенно, ушел в грунт, но неприятные воспоминания о себе оставил. В пещеру долго не смели входить, но потом слышали крики Кая. «Ты орал, словно только что родился, – рассказывал Тиль. – Может, так оно и было. Только младенцы кричат нежнее, что ли. Тебя по всему верхнему ярусу слышно было».

Эти моменты Кай помнил хорошо. Такого дикого ужаса он потом никогда не испытывал. Кровь и горькая слюна на губах, холодный камень под спиной, скованное параличом тело и темнота, окутывавшая его, словно кокон – а ведь еще недавно он чувствовал себя едва ли не богом. Ощущение всемогущества осталось во сне, сменившись паникой и отчаянием. Тогда он и закричал – неосознанно, все еще пребывая во власти сновидений. Так кричат люди, проснувшись от ночного кошмара. Только с ним все случилось наоборот. Теплые и ласковые дорожденные сны сменились бесконечным ужасом реальности, которая через пару недель потеряла остроту кошмара и превратилась в отупляющую обыденность, грозившую стать бесконечностью.

Неужели он, правда, пролежал все шестнадцать лет в той пещере и вырос из глиняной куклы, как утверждал Фосфор? Гномы клялись, что колдун никаких младенцев в пещеру не приносил. Соломон появлялся в шахте всего раз, и с ним даже сумки не было.

Мысли о сущности бытия и тайне собственного рождения прервало дерьмо. Кай погрузился в него с головой и понял, что ворчание Тиля по поводу подгоревшей каши о том, что «она на вкус, как дерьмо», не имело ничего общего со вкусом настоящих экскрементов. Прежде чем он вытолкнул тело на поверхность зловонного потока, то успел наглотаться столько жижи, что не сдержал рвотный рефлекс и тут же выбросил все наружу, в следующую секунду окунувшись

лицом в собственную блевотину. А затем веревку дернуло, и Кай снова ушел ко дну – то приземлился Тупэ.

Когда они, кашляя и отплевываясь, вынырнули на поверхность, Кай понял, что все плохое, что случилось с ним за эти три месяца, на самом деле – лишь легкие неприятности. Настоящие проблемы были сейчас. Поток несся так стремительно, что оглядеться удалось не сразу. Когда его голова, наконец, появилась над жижей, первое, что бросилось в глаза, был свет. Ему был отчетливо виден не только цвет массы, но и низкие потолки, обросшие плесенью. Она-то и светилась. Тусклое бледное свечение исходило от осклизлых наростов, густо покрывающих канализационный тоннель. Наверное, это его блеск они увидели в дырке нужника перед тем, как прыгнуть.

Если наверху в сортире плесень успешно справлялась со зловонием, то здесь, несмотря на ее обширные плантации, она была не в силах преодолеть столетний дух древней канализации. Впрочем, уже через несколько минут зловоние перестало волновать беглецов, уступив место главной задаче – не захлебнуться. Единственным приятным моментом было то, что поток дерьма оказался теплым.

Тупэ кричал так, что умудрялся заглушать даже грохот стремительно несущейся воды. Первая попытка зацепиться за узкий порог, тянущийся вдоль стены, не удалась. Ступенька оказалась выше, чем рассчитал Кай, и ко всему обросла плесенью, по которой скользили пальцы. Они пронеслись мимо двух крутых поворотов и рухнули с небольшого водопада из дерьма, прежде чем Кай предпринял вторую попытку выбраться. Болезненно ушибив плечо, он отплыл к середине потока, хлебнул горечи, закашлялся и понял, что ему надо было сделать с самого начала. Трофейный нож, добытый в пещере с затонувшей буровой, не выпал из кармана и не потерялся в зловонной пучине. Когда Кай в третий раз подгрел к ступени, то со всей силы всадил лезвие в осклизлый нарост. Какое-то время нож скользил, оставляя в плесени глубокие порезы, но вдруг остановился, попав в трещину. Понимая, что клинок не выдержит веса двух тел, увлекаемых потоком, Кай принялся лихорадочно рыть слизь пальцами рядом с кинжалом, пока не нашел тот самый выступ, который задержал нож. Тупэ на удивление быстро подавил панику и, проворно подтянувшись к болтающемуся у стены Каю, вскарабкался по его спине на ступеньку, а потом помог забраться и ему.

Здесь, в метре над стремительно текущим дерьмом, жизнь снова показалась прекрасной. Зловоние давно не ощущалось, в рот ничего не лезло, ноги стояли

на покрытой гнилью, но все же твердой поверхности. От души наплевавшись, они переглянулись и расхохотались. А потом Тупэ набросился на него с кулаками, едва не спихнув обратно в реку.

– Крысиный ты помет, дерьмоглист и пердоплюй! Ты во что меня втянул? И как я вообще на твою безмозглую авантюру согласился? Мы по уши в дерьме во всех смыслах. Тиль нас на куски порежет, если найдет!

– Тише, Тупэ! – прикрикнул на него Кай, пытаюсь сохранять спокойствие. Ему самому хотелось то ли рыдать, то ли хохотать во весь голос. – Все идет по плану. Здесь нас никто не найдет. Даже если Тиль и бросит кого-нибудь в нужник вслед за нами, то у бедняги не будет никаких шансов. В лучшем случае его мимо нас пронесет.

– Во-первых, – гном поднял палец, брызнув грязью в стороны, – ты меня надул. Нам бы уже давно прижгли пятки, и мы бы спокойно отлеживались в лазарете. На следующий день обычно выходной дают, отоспались бы. А во-вторых...

– Во-вторых, в-третьих и во всяких, тебя бы в том руднике сгноили, – прервал Кай. – Мы все сделали правильно. Сегодня тебе бы прижгли пятки, а завтра – подравняли бы, чтобы ты выше пояса Тиля не высывался.

– Своих не подравнивают! – возмутился Тупэ, но уже спокойнее. – Будь ты проклят, гомункул, я чуть в штаны не наложил.

– Ну и наложил бы, – улыбнулся Кай. – Все равно этого никто бы не заметил.

Тупэ крикнул и предпринял слабую попытку отряхнуть одежду. Конфликт миновал, и гном деловито завертел головой по сторонам.

– Калюста теперь разбери, в какую сторону идти, – пробурчал он. – Мы на нижних уровнях. Если пойдём по течению, то спустимся еще ниже. А если против, то можем обратно вернуться и на своих напороться. Я в этих тоннелях ни черта не разбираюсь.

– Поэтому, Тупэ, тебе и не надо оставаться в шахтах, – нравоучительно сказал Кай, у которого настроение улучшалось с каждой секундой. – Твой путь ведет

наверх, творить дела во благо Калюсты под солнцем и небом!

- Да что ты понимаешь, переросток, - начал было гном, но Кай схватил его за голову и насильно повернул налево.

- Что ты видишь?

- Пусти, плесень!

- А я думал, ты глазастый. Это не плесень.

Тупэ вырвался и недовольно уставился в сторону, куда указывал Кай. Через минуту он почесал затылок, выудил из волос гнилой обрывок и неуверенно протянул.

- Ну не знаю. С одной стороны, на заросшую вентиляцию похоже, но с другой, может, и нора чья. Здесь крысы с твою голову водятся. И хорошо еще, если это крысы.

- В таком зловонии никто жить не станет, - попытался заверить его Кай, но голос дрогнул. Сразу вспомнились рассказы Тиля о кровожадных монстрах, населяющих подземелье, и прежде всего - о гомозуле. Тупэ о гомозуле суеверно промолчал. Гномы верили, что если беду не упоминать, она и не случится. Может, правильно делали, но глядя на места оборванную и поеденную плесень, Кай все больше убеждался, что они были не единственными обитателями канализационного стока.

Когда они добрались до дыры в стене, которую Кай заметил, едва выбравшись на берег, Тупэ зафыркал.

- Это вентиляция, - уверенно заявил он, сняв ножом паутину плесени, - но мы туда ни за что не полезем.

- Она идет наверх, - заметил Кай, просовывая в дыру голову и подсвечивая себе куском намотанной на кулак плесени. - Отверстие узковато, но пролезть можно. Это лучше, чем идти вдоль реки с дерьмом, которая может привести только к новому дерьму.

– Видишь следы? – Тупэ ткнул пальцем в то, что Кай никогда бы сам не заметил. Края лаза успели обрасти плесенью, но под ней виднелись черные полосы сажи.

– Это газ горел, – объяснил гном. – И, вероятно, недавно, раз плесенью еще не обросло. Если бы не вонь, мы бы его запах сразу учуяли. И шел газ не откуда-то, а из вентиляции. Загорается он от нечего делать. Крыса какая-нибудь перднет, и все – пожар готов. Не знаю, как тебе, но по мне лучше в дерьме захлебнуться, чем в этой трубе заживо сгореть. Я слышал о таких вентиляциях. Они могут на километры петлять, а потом привести в дыру, еще похуже этой. И к тому же по всей трубе, наверняка, обвалы, за ней ведь никто не смотрит. Стоит ли колени протирать ради того, чтобы в грунт воткнуться?

Кай еще раз оглядел дыру и заметил.

– Не похоже, чтобы она завалена была. Сквозняк чувствуешь?

– А про крыс не подумал? – вспыхнул Тупэ. – Хочешь, чтобы они тебе пальцы на ногах отгрызли, пока ползти будешь? Там их царство. И вообще не люблю я узкие места. Пойдем лучше вдоль дерьма. Может, до нужника какого дойдем, и таким же путем выберемся, как сюда забрались.

Наверное, они препирались бы до бесконечности, но тут за поворотом тоннеля позади них раздался звук – очень нехороший звук, похожий на то, будто в воду огромная туша плюхнулась и не утонула, а целеустремленно поплыла к ним, на голос, стуча по воде конечностями.

– Ох, твою же... – выругался Тупэ. – Я первый полезу, уж лучше с крысами, чем...

Он не договорил, потому что Кай зажал ему рот рукой и быстро подсадил к лазу. Все следующие минуты, которые показались вечностью, он толкал медлительного гнома вперед, каждую секунду ожидая, что клешня или лапа вытащит его за ноги обратно. Было слышно, как то, что плыло по реке, остановилось рядом с вентиляцией и долго дышало им вслед, наполняя лаз особым зловонием. Так пахло уже не дерьмо – то смердила сама смерть.

Но вот они повернули, потом еще раз, труба стала заворачивать наверх, и все внимание Кая уходило на то, чтобы не соскользнуть вниз. Приходилось расставлять ноги и упираться в стенки локтями. Никто не вцепился Каю в пятку

и не поволок обратно. Может, создание было так велико, что не поместилось в отверстие, а может, решило не связываться с тем, что ожидало их впереди.

Только здесь, в вентиляционной шахте, Кай вдруг понял, насколько иллюзорными были их шансы выжить. О том, что они когда-нибудь выберутся на поверхность, он уже не думал. Решение о побеге было, возможно, лучшей идеей в его жизни, но ее поспешность обещала им крупные неприятности. Они покинули жилую шахту без фонариков, свечей, оружия и припасов. Плесень, намотанная на кулак, слабо светила, но Кай не знал, насколько хватит ее ресурсов. То, что у них оказались с собой ножи и веревка, было довольно скудными подарками Калюсты. Возможно, Единый хотел, чтобы они молились ему лучше?

Тупик был таким же бескомпромиссным, как и чернота в тоннелях, ответвляющихся от основного прохода. Радость Кая, когда труба стала шире и выше, позволив ему не только встать на четвереньки, но и ползти рядом с Тупэ, закончилась быстрее, чем он осознал ту простую истину, от которой отмахивался каждый раз, когда шахта сужалась или поворачивала настолько резко, что им приходилось проявлять чудеса гибкости, чтобы повторить ее изгибы. Как бы там ни было, но возвращаться придется. Они уже исследовали все ветки, идущие от тупика, но результат везде был один – обвал. Однако пока никто из них мысль о возвращении вслух не произнес. Каждый надеялся на коллекторы, которые должны были встречаться в «нормальных» вентиляциях. Из таких стоков всегда шли тоннели к складам и техническим помещениям, а это означало, что, как минимум, они смогут выпрямить спины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.me/ru/petruk_vera/inaya-krov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)